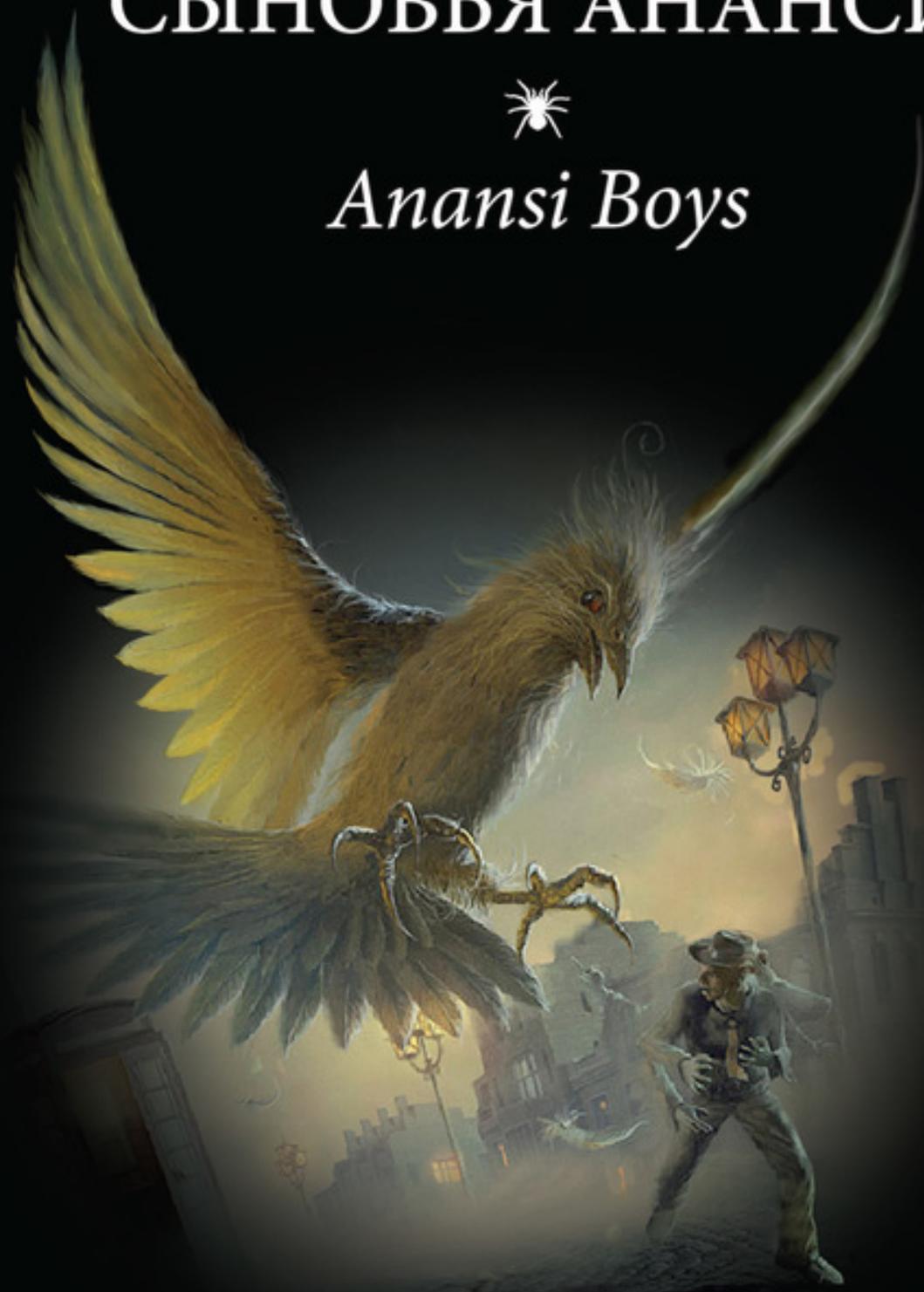

НИЛ ГЕЙМАН

СЫНОВЬЯ АНАНСИ

Anansi Boys

Нил Гейман
Сыновья Ананси

«АСТ»

2005

Гейман Н.

Сыновья Ананси / Н. Гейман — «АСТ», 2005

ISBN 978-5-17-087157-5

Толстяк Чарли Нанси, скромный житель Лондона, ведет приготовления к свадьбе, когда узнает о смерти своего горе-папаши. Вечно ставивший сына в неловкое положение, тот и умер словно в насмешку: флиртуя с девушками в караоке-баре. С этого момента жизнь Толстяка Чарли начинает рушиться. Чтобы вновь обрести себя, ему придется обратиться за помощью к ведьмам, отправиться на край света, потерять невесту и... спеть?

ISBN 978-5-17-087157-5

© Гейман Н., 2005

© АСТ, 2005

Содержание

Посвящение	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Нил Гейман

Сыновья Ананси

Neil Gaiman

ANANSI BOYS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House LLC и Synopsis Literary Agency.

Copyright © Neil Gaiman, 2005

© В. Гуриев, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Посвящение

Сами знаете, как бывает.

Берете книгу, открываете посвящение и обнаруживаете, что автор снова посвятил книгу не вам, а кому-то еще.

Но не в этот раз.

Поскольку мы еще не встречались/шапочно знакомы/ без ума друг от друга/слишком долго не виделись/ нас кое-что связывает/никогда не встретимся, – я верю, несмотря ни на что, мы всегда будем думать друг о друге с нежностью...

Эту книгу я посвящаю вам.

Сами знаете, с какими чувствами, и возможно, понимаете, почему.

Примечание: Пользуясь случаем, автор хотел бы почтительно снять шляпу перед призраками *Зоры Нил Хёрстон*, *Торна Смита*, *П. Г. Вудхауза* и *Фредерика «Текса» Эйвери*¹.

---

¹ Зора Нил Хёрстон (1891–1960) – американская писательница, исследовательница афроамериканского фольклора (в особенности верований жителей Гаити и Ямайки). Торн Смит (1892–1934) – полузабытый ныне автор юмористических произведений с фантастической составляющей. П. Г. Вудхауз (1881–1975) – известный британский писатель, автор популярнейшего литературного сериала о Дживсе и Вустере. Фредерик «Текс» Эйвери (1908–1980) – американский аниматор, создатель таких персонажей, как Багз Банни и Даффи Дак. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.

Глава 1

в которой говорится об именах и семейных отношениях

Как почти все на свете, эта история началась с песни.

В самом деле, в начале были слова, а с ними возникла мелодия. Именно так был создан мир, свет отделен от тьмы, так все они – и суша, и звезды, и сны, и малые боги, и звери – явились в этот мир.

Их спели.

Большие звери были спеты в мир после того, как Певец разобрался с планетами, и горами, и деревьями, и морями, и зверьми помельче. Пропеты были скалы, что обозначают предел всему, и охотничьи уголья, и тьма.

Песни остались. Они все еще звучат. Правильная песня может сделать императора посмешищем, свергнуть династию. События и их участники давно превратились в пыль, бьель и небьель, а песня все звучит. Такова сила песен.

С песней можно делать многое. Не только создавать миры и воскрешать сущее. Отцу Толстяка Чарли, к примеру, песни пригождались для того, чтобы, как он надеялся и ожидал, провести отличный вечерок.

Пока отец Толстяка Чарли не вошел в бар, бармен пребывал в уверенности, что вечер караоке пройдет через пень колоду, но вот в зал проскользнул маленький старичок, прошел мимо свежееобгоревших на солнце блондинок с улыбками туристов, что сидели у маленькой импровизированной сцены, в углу. Он поприветствовал дам, вежливо приподняв шляпу (а он и правда был в шляпе, без единого пятнышка, зеленой фетровой шляпе и лимонного цвета перчатках), после чего запросто уселся за их столик. Блондинки захихикали.

– И как вам здесь нравится, дамы? – спросил он.

Они, не переставая хихикать, рассказали, что им тут здорово, спасибо, они тут в отпуске. Будет еще лучше, сказал он, дайте время.

Он был старше, много, много старше, но зато так любезен, словно явился из ушедшего века, когда изящные манеры и утонченные жесты еще что-то да значили. Бармен расслабился. Если в баре появляется такой человек, вечер наверняка удастся.

И было караоке. И были танцы. В тот вечер старик поднимался на импровизированную сцену не один раз, а дважды. У него был приятный голос, обаятельная улыбка, а ноги так и мелькали, когда он танцевал. В первый раз он вышел спеть «*What's new, Pussycat?*»².

А когда вышел во второй раз, он разрушил жизнь Толстяка Чарли.

* * *

Толстым Толстяк Чарли был недолго, лет с десяти, – когда его мать возвестила, что если есть на свете что-нибудь, чем она сыта по горло (а коль у джентльмена, о котором идет речь, имеются возражения, он может засунуть их сами знаете куда), то это брак со старым козлом, за которого она имела несчастье выйти замуж, и что нынче же утром она уезжает очень далеко, а он пусть не вздумает тащиться за ней, – и до четырнадцати, когда Толстяк Чарли немного подрос и окреп. Он не был толст. Говоря по правде, он и круглолицым не был, просто слегка закругленным по краям. Но кличка Толстяк Чарли к нему прилипла, как жвачка к подошве

---

² «*What's new, Pussycat?*» – заглавная песня к одноименному фильму (название фильма на русский язык обычно переводится как «Что нового, кошечка?» или «Что нового, киска?»). Более всего известна в исполнении Тома Джонса.

теннисной туфли. Он представлялся другим как Чарльз или, когда ему было чуть за двадцать, Чез, или, в письмах, как Ч. Нанси, но без толку: что ни делай, кличка проползет во все уголки жизни, словно таракан, трещина за трещиной осваивающий пространство за холодильником на новой кухне, и нравится Толстяку Чарли или нет – а ему не нравилось – он останется Толстяком Чарли.

Все потому, чувствовал он, что кличку дал отец, а когда отец придумывал имя, оно прилипало.

В доме напротив, на той же флоридской улочке, где рос Чарли, жил пес. Это был каштанового окраса боксер, длинноногий и остроухий, с такой мордой, будто, когда был щенком, этой мордой он приложился к стене. Голову он держал высоко, хвост короткий, свечкой. Это был, вне всяких сомнений, аристократ собачьих кровей. Участник выставок. Неоднократно отмеченный как «лучший представитель породы», «лучший в своем классе», а однажды даже как «лучший на выставке». Прозывался пес Кэмпбеллом Макинрори Арбутнотом Седьмым, а в неформальной обстановке хозяева звали его Каем. Так продолжалось до того дня, пока отец Толстяка Чарли, сидя на крыльце в ветхом кресле-качалке и попивая пиво, не обратил внимание, как по соседнему двору на привязи, которой хватало от пальмы до изгороди, лениво разгуливает пес.

– Ну что за бестолковая псина, – сказал отец Толстяка Чарли. – Прямо как дружок Дональда Дака. Эй, Гуфи!

И тот, кто однажды был признан «лучшим на выставке», буквально на глазах сник и утратил свой лоск. Для Толстяка Чарли это было как если бы он вдруг увидел пса глазами своего отца и, черт возьми, если пес в самом деле не бестолков. Как мультяшный.

На то, чтобы кличка разошлась по всей улице, много времени не понадобилось. Владельцы Кэмпбелла Макинрори Арбутнота Седьмого пытались с этим справиться, но с тем же успехом они могли противостоять урагану. Даже совершенно незнакомые люди, поглаживая некогда гордого боксера по голове, говорили: «Привет, Гуфи. Хороший мальчик». Вскоре владельцы перестали пса выставлять. У них духу на это не хватало. «Вылитый Гуфи», – говорили судьи.

Отец Толстяка Чарли давал такие прозвища, что они прилипали, вот и все.

И это еще не самое худшее.

Пока Толстяк Чарли рос, на роль самого худшего в его отце претендовали и блуждающий голодный взгляд, и не менее блудливые руки, – если верить девицам, что имели обыкновение жаловаться матери Толстяка Чарли, после чего у родителей случались скандалы; и маленькие черные сигариллы, которые отец называл черутами и запах которых приставал ко всему, чего он касался; и его пристрастие к необычной шаркающей разновидности чечетки, которая, как подозревал Толстяк Чарли, если и была когда в моде, то разве что в Гарлеме, в двадцатые годы, и не дольше получаса; полное и неодолимое невежество отца в делах международных в сочетании с твердой верой в то, что получасовые ситкомы – это документальная хроника жизни реально существующих людей. Для Толстяка Чарли ни одно из этих качеств на роль самого худшего не тянуло, – худшее они давали в сумме.

Но самое наихудшее в отце было то, что он постоянно ставил Толстяка Чарли в неловкое положение.

Понятно, что всякий стесняется своих родителей. Это неотъемлемое родительское свойство: в родительской природе смущать детей самим фактом своего существования, тогда как в природе детей определенного возраста – съезживаться от смущения, стыда и унижения в тот момент, когда родителям всего лишь вздумается обратиться к ним на улице.

Отец Толстяка Чарли, само собой, возвел это в ранг искусства, он наслаждался этим не меньше, чем розыгрышами, от простых – Толстяк Чарли никогда не забудет, как первый раз улегся в постель, уложенную «яблочным пирогом»³ – до непредставимо сложных.

– Например? – спросила однажды Рози, невеста Толстяка Чарли. Тем вечером Толстяк Чарли, никогда не рассказывавший об отце, предпринял, запинаясь, попытку объяснить, почему он уверен, что пригласить отца на свадьбу – очень неудачная идея. Они сидели в маленьком винном баре в южном Лондоне. Толстяк Чарли давно уже считал, что четыре тысячи миль и Атлантический океан между ним и его отцом *никогда не лишние*.

– Ну... – сказал Толстяк Чарли, вспоминая пережитые унижения, от каждого из которых невольно сжимались пальцы на ногах.

И выбрал одну историю.

– Ну вот, когда я перешел из одной школы в другую, папа все рассказывал, с каким нетерпением он, когда был мальчиком, ждал президентского дня, потому что по закону дети, которые в этот день приходят в школу в костюме своего любимого президента, получают большой мешок сладостей.

– Какой милый закон, – сказала Рози. – Нам бы, в Англии, такой не помешал.

Рози никогда не выезжала за пределы Соединенного Королевства, если не считать поездки с «Клубом 18–30»⁴ на остров, который, она была почти уверена, расположен в Средиземном море. У нее были теплые карие глаза и доброе сердце, а знание географии не входило в число ее достоинств.

– Это не милый закон, – сказал Толстяк Чарли. – Это вообще не закон. Он все придумал. В большинстве штатов и в школу никто в президентский день не ходит, а в тех, где ходят, нет такой традиции, чтобы школьники наряжались в президентов. И Конгресс не принимал закона, по которому школьникам, переодетым в президентов, давали бы по большому мешку конфет, и твоя популярность в школе и потом в университете вовсе не зависит от того, каким президентом ты оденешься – середняки, дескать, выбирают очевидных – Линкольна, Вашингтона, Джефферсона, – но истинный успех ожидает тех, кто одевается под Джона Квинси Адамса, Уоррена Гамалиеля Гардинга или кого-то в этом роде. И, мол, плохая примета обсуждать свой наряд до президентского дня. Точнее, нет такой приметы, но он сказал, что есть.

– И мальчики, и девочки наряжаются президентами?

– О да. И мальчики, и девочки. Так что за неделю до президентского дня я прочел о президентах все, что было в энциклопедии, чтобы не ошибиться с выбором.

– И ты ни разу не заподозрил, что он тебе голову морочит?

Толстяк Чарли покачал головой.

– Если мой отец за тебя берется, ты никогда ничего не заподозришь. Он – самый лучший лжец в мире. Он убедителен.

Рози отпила немного шардоне.

– Ну и каким президентом ты нарядился?

– Двадцать седьмым, Тафтом. Я надел коричневый костюм, который отец где-то раздобыл, подвернул штанины, заткнул за пояс подушку. Нарисовал на лице усы. Отец в тот день сам отвел меня в школу. Как я был горд! Но остальные дети ржали и показывали на меня пальцами, и тогда я заперся в кабинке туалета для мальчиков и расплакался. Меня даже не отпустили домой переодеться. Я ходил так весь день. Это был суший ад.

– Надо было что-нибудь придумать, – посоветовала Рози. – Сказал бы, что идешь после школы на вечеринку или еще что-нибудь. Или просто сказал бы правду.

---

³ «Яблочный пирог» – способ заправки постели, когда простыня складывается так, что человек, забравшийся под одеяло, не может вытянуть ноги.

⁴ «Клуб 18–30» – британская компания, предлагающая недорогие туры выходного дня. Большинство туристов – одинокие молодые люди, начинающие самостоятельную жизнь, так что репутация у таких туров соответствующая.

– Ага, – угрюмо кивнул Толстяк Чарли.

– А что сказал папа, когда ты пришел домой?

– О, он оборжался. Хихикал, фыркал, так и давился от смеха. А затем сказал, жаль, должно быть теперь больше не наряжаются в президентский день. Ну что же, добавил он, почему бы нам не отправиться на пляж поискать русалок?

– Поискать... русалок?

– Мы спустились к пляжу, и пошли вдоль воды, и он вел себя хуже некуда: пел, шаркал ногами по песку, словно танцует *песочный танец*⁵, заговаривал с людьми, что встречались на пути, – с людьми, которых он не знал и никогда прежде не видел, а я бесился от всего этого, пока он не сказал, что в Атлантике водятся русалки, и если резко и быстро посмотреть в сторону, хоть одну да увидишь. «Вон, – сказал он, – смотри! Большая и рыжая, с зеленым хвостом». И я все смотрел и смотрел, да так и не увидел.

Он опустил голову. Затем набрал в руку орешков из стоявшей на столе чаши и принялся забрасывать их в рот и так ожесточенно жевать, будто каждый орех представлял собой двадцатилетней давности унижение, которое не может быть забыто.

– А я думаю, он восхитителен! – радостно сказала Роза. – Большой оригинал. Нужно обязательно позвать его на свадьбу, он будет душой компании.

Ничего хуже этого, объяснил Толстяк Чарли, чуть не подавившись бразильским орехом, и представить невозможно – чтобы его отец вдруг объявился и стал душой компании. И нет и не было *во всем зеленом Божьем мире*⁶ человека, который ставил бы его в неловкое положение чаще, чем отец. И еще добавил, что не видел старого козла несколько лет, очень тому рад, а решение матери оставить отца и отправиться в Англию к тете Аланне считает самым удачным в ее жизни. Эту декларацию он подкрепил заявлением, что будь он проклят, дважды проклят и, может, даже трижды проклят, если собирается пригласить на свадьбу собственного отца. На самом деле, сказал Чарли в заключение, *самое лучшее* в женитьбе – это *не приглашать* отца на свадьбу.

Тут Толстяк Чарли увидел лицо Розы и ледяные искорки в ее обычно доброжелательном взгляде и поспешил исправиться, объяснив, что это *еще одно* самое лучшее, однако было уже поздно.

– Ты просто должен с этим свыкнуться, – сказала Роза. – В конце концов, свадьба – прекрасная возможность для перемирия и восстановления отношений. Возможность показать, что ты не держишь на него зла.

– Но я *держу*, – возразил Толстяк Чарли. – Еще как.

– У тебя, конечно, есть его адрес? – спросила Роза. – Или телефон. Лучше, наверное, позвонить. Письмо – это слишком официально, когда женится единственный сын... Ты ведь единственный, так? А электронная почта у него есть?

– Да, я единственный сын, и я понятия не имею, есть у него электронная почта или нет. Скорее всего, нет, – сказал Толстяк Чарли.

В бумажных письмах своя прелесть, подумал он. Начать хотя бы с того, что письмо могут потерять на почте.

– Но у тебя должен быть адрес или телефон.

– У меня их нет, – честно признался Толстяк Чарли. Не исключено, что отец уехал. Он мог покинуть Флориду и отправиться туда, где нет телефонов. И адресов.

---

⁵ Песочный танец отличается от классической чечетки тем, что исполняется в туфлях без набоек. Чтобы добиться звука при танце, исполнители песочного танца рассыпали на полу песок (отсюда и название). Как правило, песочный танец был частью комического номера.

⁶ «...во всем зеленом Божьем мире» – довольно странный оборот, на самом деле неточная цитата из стихотворения преподавателя В. М. Хетрингтона (1803–1865; W. M. Hetherington, «The Spirit of The Seasons»). Стихотворение и автора, как водится, почти никто не помнит, но фраза на слуху.

– А у кого есть? – резко спросила Роза.

– У миссис Хигглер, – ответил Толстяк Чарли, которого вдруг покинул боевой дух.

Роза нежно улыбнулась.

– А кто у нас миссис Хигглер? – спросила она.

– Друг семьи, – сказал Толстяк Чарли. – Когда я был ребенком, она жила по соседству.

Последний раз он разговаривал с миссис Хигглер несколько лет назад, когда умирала мать. Тогда, по просьбе матери, он позвонил миссис Хигглер, чтобы сообщить об этом отцу и попросить его с ними связаться. А через несколько дней, пока Толстяк Чарли был на работе, на его автоответчике появилось сообщение, наговоренное, без всяких сомнений, голосом отца, кажется, немного постаревшим и хмельным.

Отец сказал, что момент неудачный, и дела удерживают его в Америке. А затем добавил: несмотря ни на что, мать Толстяка Чарли чертовски хорошая женщина. А несколькими днями позже в приемный покой доставили букет. Прочитав приложенную к нему карточку, мать Толстяка Чарли фыркнула.

– Решил так легко от меня избавиться! – сказала она. – Пусть придумает что-нибудь получше.

Впрочем, она велела нянечке поставить цветы на почетное место у кровати и несколько раз спрашивала у Толстяка Чарли, не собирается ли отец посетить ее перед тем, как все закончится.

Нет, отвечал Толстяк Чарли. Со временем он возненавидел и этот вопрос, и свой ответ, и выражение ее лица, когда он говорил, нет, отец не приедет.

Худший, по мнению Толстяка Чарли, день настал, когда врач, неприветливый маленький человечек, отвел Толстяка Чарли в сторонку и сообщил, что ждать уже недолго, мать быстро угасает, и теперь самое главное – облегчить ее последние дни.

Толстяк Чарли кивнул и отправился к матери. Она держала его руку, спрашивая, не забыл ли он оплатить счета за газ, когда в коридоре раздался шум – громыханье, пуканье, топанье, дребезжанье, барабаны и медные трубы, в общем, такой шум, какой нечасто услышишь в больнице, где таблички на лестницах требуют тишины, а ледяные искорки в глазах медицинского персонала ее обеспечивают.

Шум становился громче.

На секунду Толстяку Чарли показалось, что это террористы. Но мать, услышав какофонию, слабо улыбнулась. «Желтая птичка», – прошептала она.

– Что?! – переспросил Толстяк Чарли, испугавшись, что мать теряет рассудок.

– «Желтая птичка», – повторила она громче и тверже. – Они играют «Желтую птичку».

Толстяк Чарли вышел за дверь и огляделся.

По коридору, не обращая внимания на протесты нянечек и взгляды пациентов в пижамах, а также членов их семей, шествовал очень маленький ново-орлеанский джаз-банд. В нем были саксофон, сузафон и труба. И громадный мужчина с чем-то вроде контрабаса на ремне. И человек с бас-барабаном, который бил в этот бас-барабан. А во главе группы, в изящном клетчатом костюме, фетровой шляпе и лимонно-желтых перчатках шел отец Толстяка Чарли. Он ни на чем не играл, но шаркал в такт по начищенному больничному линолеуму, приподнимая шляпу перед медицинским персоналом и пожимая руки всем, кто оказывался на расстоянии, возможном для разговора или выражения недовольства.

Толстяк Чарли прикусил губу и взмолился тому, кто, может быть, его слышит, прося о том, чтобы Земля вдруг разверзлась и поглотила его, или, когда с поглощением ничего не вышло, чтобы с ним случился короткий, милосердный, но абсолютно фатальный сердечный приступ. Не повезло. Он остался среди живых, оркестрик был все ближе, а отец танцевал, пожимая руки и улыбаясь.

Если есть на свете хоть немного справедливости, подумал Толстяк Чарли, *отец пройдет мимо по коридору и направится прямоком в урологию*; однако никакой справедливости в мире не было, и отец дошел до двери в онкологическое отделение и остановился.

– Толстяк Чарли, – сказал тот достаточно громко, чтобы все в этом отделении, на этом этаже, в этой больнице догадались, что он знаком с Толстяком Чарли не понаслышке. – Толстяк Чарли, в сторону! Пришел твой отец.

Толстяк Чарли отступил.

Группа во главе с отцом Толстяка Чарли проскользнула в палату к постели матери. Она увидела, как они идут, и улыбнулась.

– «Желтая птичка», – сказала она. – Моя любимая.

– И кем бы я был, забудь я об этом? – спросил отец Толстяка Чарли.

Она медленно покачала головой, вытянула руку и сжала его ладонь в лимонно-желтой перчатке.

– Извините, – произнесла низенькая белая женщина с планшетом в руках, – все эти люди с вами?

– Нет, – ответил Толстяк Чарли, щеки у него горели. – Вообще-то, нет.

– Но мать-то *ваша*, верно? – сказала женщина, испепеляя его взглядом василиска. – Вы уж, пожалуйста, сделайте так, чтобы эти люди немедленно покинули палату, не нарушая тишины.

Толстяк Чарли что-то пробормотал.

– Что?

– Я говорю, уж я-то им точно не начальник, – повторил Толстяк Чарли. Он успокаивал себя тем, что хуже, наверное, быть уже не может, как вдруг отец забрал у барабанщика пластовый пакет и принялся вытаскивать из него банки браун-эля и передавать их музыкантам, нянечкам и пациентам. И закурил черуту.

– Извините, – сказала женщина с планшетом, увидев дым, и взмыла через комнату в направлении отца Толстяка Чарли, как ракета «Скад».

Толстяк Чарли воспользовался моментом и удалился. Это показалось ему самым разумным.

Тем вечером, сидя дома, он все ждал телефонного звонка или стука в дверь. Так приговоренный к казни, стоя на коленях, ждет поцелуя гильотинного ножа. Но никто не позвонил.

Ночью он почти не спал, а на следующий день прокрался в больницу, готовясь к худшему. Мать выглядела такой счастливой и спокойной, какой не была уже очень давно.

– Он опять уехал, – сказала она Толстяку Чарли, едва тот появился в дверях. – Не мог остаться. И должна сказать, Чарли, лучше бы ты вчера не уходил. Мы под конец совсем разошлись. Как в старые добрые времена.

Ничего хуже, чем «совсем разойтись» в онкологическом отделении при участии джаз-банда и отца, Толстяк Чарли представить себе не мог. Он не произнес ни слова.

– Он не плохой человек, – сказала мать Толстяка Чарли с огоньком в глазах. Затем нахмурилась. – Точнее не так. Он, конечно, и не хороший человек. Но вчера он придал мне сил, – и она улыбнулась, улыбнулась по-настоящему, и снова, пусть всего на миг, стала молодой.

Женщина с планшетом, стоявшая в дверном проеме, поманила его пальцем. Толстяк Чарли засеменил к ней, начав извиняться еще до того, как она могла его услышать. Но ее взгляд, как он понял, подойдя ближе, больше не напоминал взгляд василиска с желудочными коликами. Сегодня она определенно была в игривом настроении.

– Ваш отец, – сказала она.

– Извините, – сказал Толстяк Чарли. Он привык просить прощения, когда речь заходила об отце.

– Нет-нет-нет, – сказала бывший василиск. – Извиняться не за что. Я тут просто подумала. Про вашего отца. Вдруг нам потребуется с ним связаться, а у нас ни телефонного номера, ни адреса. Надо было спросить вчера вечером, но вылетело из головы.

– Не уверен, что у него есть телефонный номер, – ответил Толстяк Чарли. – А лучший способ его найти – это отправиться во Флориду, выехать на шоссе А1А, что идет вдоль океана почти по всей восточной части «ручки»⁷. Днем он обычно рыбачит с моста. Вечером идет в бар.

– Какой обаятельный мужчина! – сказала она томно. – А чем он занимается?

– Этим и занимается. По его словам, это чудо хлеба насущного.

В ее лице ничто не дрогнуло. Когда так говорил отец, люди обычно смеялись.

– Ну, как в Библии. Хлеб насущный, чудо пяти хлебов. Отец приговаривал, что целыми днями бездельничает, а денежки у него водятся просто чудом. Короче, шутка.

Взгляд ее затуманился.

– Да-да. Шутил он – обхохочешься.

Она цокнула языком и снова приняла деловой вид.

– В общем, вы должны вернуться в 17:30.

– Зачем?

– Чтобы забрать мать. И ее вещи. Разве доктор Джонсон не сказал, что мы ее выписываем?

– Вы отправляете ее домой?

– Да, мистер Нанси.

– А что же... А как же рак?

– Кажется, это была ложная тревога.

Толстяк Чарли не мог понять, как это могла оказаться ложная тревога. На прошлой неделе они собирались отправить мать в хоспис. Доктор употреблял фразы типа «недели, а не месяцы» и «обеспечить ей максимальный комфорт в ожидании неизбежного».

Тем не менее Чарли вернулся к 17.30 и забрал мать, которая выглядела не слишком удивленной тем, что больше не умирает. На пути домой она сказала Толстяку Чарли, что планирует потратить свои сбережения на путешествия.

– Врачи говорили, у меня три месяца, – сказала она. – И помню, я подумала, что если встану с больничной койки, отправлюсь посмотреть Париж, Рим и так далее. Съезжу на Барбадос и Сент-Эндрюс. В Африку могу поехать. И в Китай. Мне нравится китайская кухня.

Толстяк Чарли не очень хорошо понимал, что происходит, но чем бы это ни было, винил в происходящем отца. Чарли проводил мать с громадным чемоданом в аэропорт Хитроу и помахал ей на прощанье в зале вылетов международных линий. Она широко улыбалась, крепко зажав в руке паспорт и билеты, и выглядела такой молодой, какой не была на его памяти уже много лет.

Она присылала открытки из Парижа, и из Рима, и из Афин, и из Лагоса, и из Кейптауна. В открытке из Нанкина сообщалось, что ей определенно пришлось не по вкусу то, что называют китайской кухней в Китае и она ждет не дожидается возвращения в Лондон, чтобы поест *настоящей* китайской еды.

Она умерла во сне, в вильямстаунском отеле, на карибском острове Сент-Эндрюс.

Во время похорон в южном лондонском крематории Толстяк Чарли все ждал, что появится отец: он представлял себе, как старик выходит на сцену во главе джаз-банда или ведет по проходу клоунскую труппу, или полдюжины пыхтящих сигарами шимпанзе на великах; служба уже началась, а Толстяк Чарли все оглядывался через плечо на дверь часовни. Но

---

⁷ Кажется, тут Толстяк Чарли слегка путается. «Ручкой сковородки» (panhandle) называют западную часть Флориды, тогда как шоссе А1А идет вдоль восточного побережья штата.

отца не было, и лишь друзья матери и дальние родственники – главным образом, дородные женщины в черных шляпках – покачивали головами, промокали глаза и то и дело сморкались.

Только во время последнего гимна, после того как нажали кнопку, и мать Толстяка Чарли проследовала с ленты конвейера к своему последнему воздаянию, Толстяк Чарли заметил в дальнем конце часовни человека примерно своих лет. Это явно был не отец. Это был некто, кого он не знал, некто, кого он мог попросту не заметить, там, на задах, в тени, но он искал глазами отца... и увидел незнакомца в элегантном черном костюме, взгляд уперт в пол, руки скрещены на груди.

Толстяк Чарли позволил своему взгляду задержаться на одно лишнее мгновение, незнакомец посмотрел на Толстяка Чарли и вдруг улыбнулся безрадостной улыбкой, какой улыбаются люди, желая показать, что у вас общее горе. Незнакомцы так не улыбаются, а Толстяк Чарли не мог понять, кто это. Он отвернулся от него. В это время запели «Swing low, sweet chariot», песню, которую, Толстяк Чарли точно знал, мать никогда не любила, и преподобный Райт пригласил всех на поминки к двоюродной бабушке Толстяка Чарли Аланне.

За столом у двоюродной бабушки были только родственники и близкие друзья. Еще несколько лет после смерти матери он иногда задумывался, кем был тот незнакомец и почему тогда пришел. Хотя порой Толстяку Чарли казалось, что все это ему привиделось...

– Значит так, – сказала Роза, осушая бокал шардоне. – Ты позвонишь миссис Хигглер и дашь ей номер моего мобильного. Расскажи ей о свадьбе, расскажи, когда... Слушай, а мы не должны ее пригласить?

– Можем, если захотим, – сказал Толстяк Чарли. – Но не думаю, что она придет. Она очень старая, они знакомы с отцом еще со Средних веков.

– В общем, уточни. Узнай, может, и ей следует послать приглашение.

Роза была хорошим человеком. В Розе было немножко от Франциска Ассизского, немножко от Робин Гуда, Будды и волшебницы Глинды из страны Оз: сознание того, что она вот-вот воссоединит свою настоящую большую любовь с отлученным отцом, переводило грядущую свадьбу в новое измерение. Теперь это была не просто свадьба. Это была гуманитарная миссия. И Толстяк Чарли был знаком с Розой достаточно давно, чтобы никогда не вставать между невестой и ее потребностью Творить Добро.

– Я позвоню миссис Хигглер завтра, – сдался он.

– Вот что, – сказала Роза, очаровательно сморщив носик, – позвони ей сегодня. В конце концов, в Америке сейчас еще не поздно.

Толстяк Чарли кивнул. Они вышли из бара вместе: Роза летела как на крыльях, Толстяк Чарли плелся как приговоренный к повешению. Не будь дураком, говорил он себе, в конце концов, миссис Хигглер могла переехать или отключить телефон. Это возможно. Все возможно.

Они поднялись к Толстяку Чарли, он занимал верхнюю половину небольшого дома на Максвелл-Гарденс, в стороне от Брикстон-роуд.

– Который час во Флориде? – спросила Роза.

– Часов пять, – сказал Толстяк Чарли.

– Хорошо. Тогда звони.

– Может, лучше подождем? Вдруг она вышла.

– А может, лучше позвонить сейчас, пока она не села ужинать?

Толстяк Чарли нашел свою старую записную книжку, где к букве «Х» был вложен обрывок конверта, на котором рукой матери был выведен телефонный номер, а чуть ниже написано «Келлиэнн Хигглер».

Гудок, и еще гудок.

– Ее нет, – сказал он Розе, но в этот момент на другом конце сняли трубку, и женский голос произнес: «Да! Кто говорит?».

– Хм. Это миссис Хигглер?

– Кто говорит? – повторила миссис Хигглер. – Если, черт вас возьми, вы хотите мне что-нибудь продать, немедленно вычеркните меня из своих списков или я вас засужу. Мне мои права известны.

– Нет. Это я. Чарльз Нанси. Я жил рядом с вами.

– Толстяк Чарли! Ну надо же! А я все утро искала твой номер. Все вверх дном перевернула и, как думаешь, нашла? Наверняка в старой расчетной книге записан. А ведь все перевернула! И я сказала себе: Келлиэнн, тебе следует помолиться в надежде, что Господь тебя услышит и поможет, и я упала на колени, ну, то есть мои колени уж не те, что раньше, я просто молитвенно сложила руки, но все-таки не нашла твой номер, зато ты сам вдруг взял и позвонил, и это даже лучше в каком-то смысле, например потому, что я ведь деньги не печатаю и не могу себе позволить международные звонки даже по такому поводу, хотя, учитывая обстоятельства, я, конечно, собиралась тебе позвонить, ты, главное, не волнуйся...

Тут она внезапно умолкла, то ли чтобы вдохнуть, то ли сделать глоток обжигающе горячего кофе из огромной чашки, которую всегда держала в левой руке. Во время этого короткого перерыва Толстяк Чарли сказал:

– Я папу собирался пригласить на свадьбу. Женюсь.

На другом конце линии тишина.

– Впрочем, не раньше декабря, – сказал он.

Молчание.

– Ее зовут Роза, – добавил он любезно.

Он уже начал подозревать, что связь оборвалась, потому что разговоры с миссис Хигглер обычно носили односторонний характер, и зачастую она говорила не только за себя, но и за собеседника, а тут, ни разу не перебив, трижды позволила ему высказаться. Толстяк Чарли решил на четвертую попытку.

– И вы приходите, если хотите, – сказал он.

– Боже, боже! – ответила миссис Хигглер. – Никто тебе не сообщил?

– Не сообщил что?

И она поведала ему во всех подробностях, а он стоял и ничего не отвечал, а когда она закончила, сказал: «Спасибо, миссис Хигглер». Написал что-то на обрывке бумаги, снова сказал: «Спасибо, нет, правда, спасибо», – и повесил трубку.

– Ну? – спросила Роза. – Номер взял?

Толстяк Чарли сказал, что отца на свадьбе не будет. Потом сообщил, что должен поехать во Флориду. Голосом ровным, без эмоций. Таким же тоном он мог заказать себе новую чековую книжку.

– Когда?

– Завтра.

– Зачем?

– Похороны. Моего отца. Он умер.

– Ах. Мне жаль. Мне так жаль! – Она крепко его обняла, а он застыл в ее объятиях, как манекен. – Как он... Он болел?

Толстяк Чарли покачал головой.

– Я не хочу говорить об этом, – сказал он.

И Роза обняла его еще крепче, а затем сочувственно кивнула и отстранилась. Она подумала, что он не может говорить, потому что ему очень больно.

Но нет. Дело было не в этом. Ему было очень стыдно.

* * *

Существует, кажется, тысяча почтенных способов умереть. К примеру, можно спрыгнуть с моста в речку, чтобы спасти тонущего ребенка, или напичь себя свинцом, в одиночку штурмуя бандитское гнездо. Не придерешься.

По правде говоря, есть и менее почтенные, но вполне сносные. Спонтанное самовозгорание, к примеру: рискованно с медицинской точки зрения и маловероятно с научной, но это не мешает человеку развеяться как дым, не оставив после себя ничего, кроме обугленной руки, сжимающей недокуренную сигарету. Толстяк Чарли читал о таком в журнале и ничего не имел бы против, если бы отец умер именно так. Или на улице, от сердечного приступа, преследуя вора, вытащившего из кармана мелочь.

А вот как в действительности умер отец Толстяка Чарли.

В баре он появился рано и начал караоке-вечеринку с песни «What's new, Pussycat?», и, как сказала миссис Хигглер, которой, правда, при этом не было, он проорал песню так, что, будь на его месте Том Джонс, его бы забросали женским бельем. Отцу же Толстяка Чарли досталось бесплатное пиво от туристов – блондинок из Мичигана, решивших, что он – ну просто душка.

– Это они виноваты, – горько сообщила миссис Хигглер в телефон. – Они *подначивали* его!

Эти втиснутые в топики женщины с красной – слишком много солнца за слишком короткий срок – кожейгодились ему в дочери.

Но довольно скоро он уже сидел за их столиком и курил черуту, толсто намекая, что служил во время войны в разведке (предусмотрительно не уточняя, о какой войне речь) и что знает десяток способов убить человека голыми руками и при этом не вспотеть.

И вот он вытягивает самую грудастую и блондинистую туристку на коротенькую прогулку по танцполу, пока ее подружка заливается со сцены, исполняя «Strangers in the Night». И кажется, все идет отлично, хотя туристка немного повыше, и он ухмыляется ей прямо в грудь.

А потом, после танца, он объявляет, что снова его очередь, и поет гимн геев «*I am what I am*»⁸ (а ведь если что и можно было сказать об отце Толстяка Чарли вполне определенно, так это то, что он гетеросексуал) на весь зал, но главным образом – самой блондинистой туристке за столиком, как раз возле сцены. В песню он вложил всего себя. Он как раз добрался до места, где объяснял слушателям, мол, что до него, жизнь не стоит и гроша, если он не сможет сказать каждому, что он таков, каков он есть, как вдруг изменился в лице, схватился рукой за грудь, а вторую выбросил в сторону и упал так степенно и элегантно, как только может упасть человек, сначала с импровизированной сцены на блондинистую отпускницу, а с нее – на пол.

– Как он всегда и хотел, – вздохнула миссис Хигглер.

И рассказала Толстяку Чарли, как его отец последним жестом, падая, ухватился за нечто, оказавшееся грудью блондинки, до того момента прикрытой топиком, причем так, что сначала кое-кто подумал, что это был похотливый прыжок со сцены с единственной целью обнажить означенные груди, потому что блондинка, выставив их, вопила, а музыка продолжала играть «*I am what I am*», только никто больше не пел.

Когда зеваки поняли, что произошло на самом деле, они объявили минуту молчания. Приезжая блондинка билась в истерике в женском туалете, а отца Толстяка Чарли вынесли из бара и погрузили в «скорую».

---

⁸ «Я таков, каков я есть» («*I am what I am*») – хит американской певицы Глории Гейнор, один из неформальных гимнов гей-движения.

Груди, вот что Толстяк Чарли не мог выбросить из головы. Ему представлялось, как они сурово следят за ним, как глаза с портрета. Он хотел извиниться перед целой кучей людей, которых никогда не видел. И понимание того, что отец счел бы все это чрезвычайно забавным, только усугубляло его состояние. Гораздо хуже, если вас смущает что-то, чего вы не видели: ваш мозг преувеличивает случившееся, прокручивая все снова и снова, тщательно обдумывая каждую деталь. Ну, ваш, может, и нет, но мозг Толстяка Чарли – определенно да.

Как правило, Толстяк Чарли чувствовал стыд зубами и под ложечкой. Когда ситуация на телеэкране еще только грозила обернуться неловкостью, Толстяк Чарли подскакивал на месте и выключал телевизор. Если это было невозможно – скажем, в присутствии других людей – он выходил из комнаты под каким-либо предлогом и ждал до тех пор, пока неприятный момент останется позади.

Толстяк Чарли жил в южном Лондоне. Он приехал сюда, когда ему было десять, и поначалу говорил с американским акцентом, из-за которого его постоянно высмеивали и от которого он очень хотел избавиться, окончательно искореняя последние мягкие согласные и раскатистое «эр», изучая правильное и к месту употребление британского «нетакли». Он окончательно преуспел в потере американского акцента к шестнадцати, как раз когда одноклассникам до зарезу потребовалось говорить так, будто они выросли в Гарлеме. Вскоре все они, за исключением Толстяка Чарли, звучали как люди, которые хотят звучать точно так, как звучал Толстяк Чарли, когда только приехал в Англию, правда, если бы он на людях употреблял такие словечки, немедленно бы схлопотал от матери.

Дело ведь в том, как ты звучишь.

Когда стыд, вызванный отцовским способом ухода из жизни, начал сходиться на нет, Толстяк Чарли почувствовал себя опустошенным.

– Я совсем один, – сказал он Розе чуть не с обидой.

– У тебя есть я, – сказала Роза.

Это вызвало у Толстяка Чарли улыбку.

– И моя мама, – добавила она, и улыбка застыла на его губах.

Она чмокнула его в щеку.

– Но ты могла бы остаться на ночь, – предложил он. – Успокоишь меня, все такое.

– Я могла бы, – согласилась она. – Но не собираюсь.

Розе не собиралась спать с Толстяком Чарли, пока они не поженятся. Она сказала, что таково ее решение, и она приняла его, когда ей было пятнадцать; не то чтобы она была тогда знакома с Толстяком Чарли, но так уж она решила. Поэтому она обняла его еще раз. Крепко. И сказала: «Знаешь, тебе нужно примириться с отцом». А потом ушла домой.

Он провел беспокойную ночь, то засыпая, то просыпаясь, то размышляя, то снова проваливаясь в сон.

Встал на рассвете. Когда начнется рабочий день, он позвонит турагенту и узнает, каковы скидки на билеты для тех, кто едет на похороны, а потом позвонит в агентство Грэма Коутса и скажет, что в связи со смертью родственника ему нужно отлучиться на несколько дней и да, он знает, что их вычтут из больничных или из отпуска. Но пока он радовался тому, что вокруг было тихо.

Он прошел по коридору к маленькой комнатухе и выглянул из окна в сад. Запели утренние птицы, и он разглядел черных дроздов, крохотных, порхавших у самой земли воробьев, а в ветвях ближайшего дерева одинокого пятнистогрудого дрозда. Толстяк Чарли подумал, что мир, в котором по утрам поют птицы, нормален и разумен и что он не возражает быть частью такого мира.

Позже, когда птицы станут опасны, Толстяк Чарли все еще будет вспоминать это утро, как что-то доброе и хорошее, но также как то, с чего все началось.

Это было прежде безумия. И прежде страха.

Глава 2

в которой рассматриваются некоторые вещи, происходящие после похорон

Проходя по Мемориальному саду упокоения, Толстяк Чарли тяжело дышал, шурясь от флоридского солнца. Весь его костюм, начиная с подмышек и груди, был в потных разводах. А когда побежал, он почувствовал, как пот стекает еще и по лицу.

Мемориальный сад упокоения и в самом деле был похож на сад, но на очень странный сад, в котором все цветы искусственные и растут в металлических вазах, выступающих из вкопанных в землю металлических плит. Толстяк Чарли пробежал мимо таблички «БЕСПЛАТНЫЕ Похоронные Участки для всех Почетных Ветеранов В Отставке!». Пересек Бэбиленд, где искусственные цветы на флоридском дерне дополняли разноцветные мельницы и несвежего вида голубые и розовые медвежата, среди которых печально глядел в голубые небеса подгнивший Винни Пух.

Заметив похоронную процессию, Толстяк Чарли сменил направление и рванул напрямик. Вокруг могилы собралось человек тридцать, может, чуть больше. Женщины в темных платьях и больших черных шляпах, отделанных черным кружевом и похожих на сказочные цветы. Мужчины в костюмах без потных разводов. Серьезные дети. Толстяк Чарли замедлил ход до почтительного, все еще торопясь, но без того, чтобы кто-нибудь заметил, что он и правда торопится, а дойдя до друзей и родственников, попытался пробраться в первые ряды, не привлекая особого внимания. Учтывая, что он пыхтел как морж, только что преодолевший лестничный пролет, пот тек по нему ручьями, и к тому же он прошелся по чужим ногам, попытка явно не удалась.

Он притворился, будто не замечает свирепых взглядов. Все пели песню, которой он не знал. Толстяк Чарли принялся покачивать головой в такт, делая вид, будто поет, и двигая губами таким образом, что это могло означать, что он и вправду поет вполголоса, а могло означать, что он бормочет себе под нос молитву, но могло оказаться и случайным движением губ. Улучив возможность, он бросил взгляд на гроб, который, к счастью, был накрыт крышкой.

Гроб был замечательный, очень прочный с виду, из армированной стали, темно-серый. В случае воскрешения, подумал Толстяк Чарли, когда Гавриил протрубит в свой мощный рог и мертвые восстанут из гробов, отец наверняка застрянет в могиле, тщетно долбясь об крышку и жалея, что его не похоронили с монтировкой или хотя бы ацетилено-кислородной горелкой.

Стихло последнее, очень мелодичное «аллилуйя». В наступившей тишине до Толстяка Чарли донеслось, как на другом конце мемориального сада, там, откуда он пришел, кто-то кричит.

– Кто-нибудь хочет сказать несколько слов о человеке, с которым мы прощаемся сегодня? – спросил священник.

Судя по выражению лиц тех, кто стоял ближе к могиле, говорить собирались несколько человек. Но Толстяк Чарли понимал – теперь или никогда. *Знаешь, тебе нужно примириться с отцом.* Ладно.

Он вдохнул поглубже, шагнул вперед, оказавшись на краю могилы, и сказал:

– Хм. Простите. Да. Думаю, мне есть что сказать.

Далекie крики становились все громче. Некоторые из присутствующих обернулись, чтобы посмотреть, кто кричит. Остальные уставились на Толстяка Чарли.

– Мы с отцом никогда не были, что называется, близки, – сказал Толстяк Чарли. – Думаю, мы не знали, как это бывает. Я двадцать лет не принимал участия в его жизни, а он в моей. Многое трудно простить, но однажды ты оборачиваешься, а у тебя никого не осталось. – Он

вытер рукой пот со лба. – Не думаю, что хоть когда-нибудь говорил «Я люблю тебя, папа». Все вы, кажется, знали его лучше, чем я. Некоторые, может, даже любили. Вы были частью его жизни, а я – нет. Так что я не стыжусь того, что сейчас скажу, а вы услышите. Скажу в первый раз за, по меньшей мере, двадцать лет.

Он опустил глаза на солидную металлическую крышку.

– Я люблю тебя, – сказал он. – И никогда тебя не забуду.

Крики стали еще громче, настолько громче и отчетливей, что в тишине, следовавшей за выступлением Толстяка Чарли, каждый мог услышать и разобрать в этом оре, заполнившем сад упокоения, отдельные слова.

– Толстяк Чарли! Оставь в покое этих людей и *сейчас же* тащи сюда свою задницу!

Толстяк Чарли уставился в море незнакомых лиц в хаосе прорвавшихся эмоций: шока, замешательства, злости и страха; с пылающими ушами он осознал, что произошло.

– Э. Извините. Ошибся похоронами, – сказал он.

Лопухий мальчишка, рот до ушей, гордо изрек:

– Это была моя бабуля!

Толстяк Чарли двинул назад сквозь толпу, еле слышно бормоча извинения. Он бы предпочел, чтобы конец света наступил прямо сейчас. Он знал, что вины отца в происходящем нет, но также был уверен, что тот нашел бы все это очень забавным.

Дорогу ему преградила крупная седовласая дама: руки в боки, на лице – гроза. Толстяк Чарли приближался к ней, словно пересекая минное поле, будто ему снова девять лет, и у него неприятности.

– Ты что, не слышал, как я ору? – спросила она. – Мимо меня промчался. Выставил себя на *хосрамление!*

Она так и сказала, с «ха» в начале слова.

– Пойдем, – сказала она. – Службу и все остальное ты пропустил. Но горсть земли бросить успеешь.

Миссис Хигглер за последние два десятилетия почти не изменилась: чуть располнела, чуть поседела. Плотно сжав губы, она вела его по одной из многих дорожек мемориального сада. Толстяк Чарли подумал, что он, возможно, оставил о себе не самое лучшее первое впечатление. Она шла впереди, опозоренный Толстяк Чарли следовал за ней.

По металлической изгороди мемориального сада взбежала ящерка, задержалась на верхушке «пики», смакуя плотный флоридский воздух. Солнце скрылось за облаками, но тем не менее становилось все жарче. Ящерка раздула шею в яркий оранжевый шар.

Две длинноногие цапли, которых он поначалу принял за украшения лужаек, подняли головы, когда он проходил. Одна вдруг резко дернула головой и выпрямилась, а в клюве у нее болталась большая лягушка. Цапля, совершая глотательные движения, пыталась проглотить лягушку, а та лягалась и молотила лапками в воздухе.

– Ну хватит, – сказала миссис Хигглер. – Не отвлекайся. Достаточно того, что ты проворонил похороны собственного отца.

Толстяк Чарли подавил желание рассказать, каково это пролететь за один день четыре тысячи миль, арендовать автомобиль, проехать весь путь от Орlando, а потом перепутать съезд с шоссе, да и вообще, кому пришло в голову разбить сад упокоения за «Уол-март», на самой окраине города?

Они шли мимо большого бетонного здания, от которого несло формальдегидом, пока не достигли открытой могилы на самых задворках. Дальше не было ничего, кроме высокой изгороди, а за изгородью – бурные заросли деревьев, пальм и прочей растительности. В могиле лежал скромный деревянный гроб, на крышку кто-то уже бросил несколько горстей земли. Рядом с могилой была куча грязи и лопата.

Миссис Хигглер подняла лопату и протянула ее Толстяку Чарли.

– Хорошая была служба, – сказала она. – Кое-кто из собутыльников твоего папаши пришел, и все дамы с нашей улицы. Он хоть и переехал, мы друг друга не теряли. Ему бы понравилось. Хотя, конечно, ему бы больше понравилось, если бы и ты пришел. – Она покачала головой. – А теперь закапывай, – сказала она. – И если тебе есть что сказать на прощанье, скажи, пока забрасываешь его землей.

– Я думал, от меня требуется бросить одну, ну две лопаты, – сказал он. – Проявить участие.

– Я дала могильщику двадцатку, чтобы он ушел, – сказала миссис Хигглер. – Я сказала ему, что сын усопшего летит аж из самой Ханглии, и он бы хотел сделать все по правилам. Как нужно. А не просто «проявить участие».

– Ладно, – сказал Толстяк Чарли. – Так и есть. Заметано.

Он снял пиджак и повесил на изгородь. Потом расслабил галстук, снял через голову и положил в карман жилета. И начал забрасывать открытую могилу черной землей. Флоридский воздух был густым, как суп.

Через некоторое время пошло что-то вроде дождя, из тех дождей, что никак не могут определиться, идут они или нет. И если вы за рулем, то не можете решить, включать дворники или еще рано. А если не за рулем, и в руках у вас лопата, для вас это означает пот, еще раз пот и неудобство. Толстяк Чарли продолжал закапывать, а миссис Хигглер стояла, сложив руки на своей колоссальной груди, в темном платье и соломенной шляпке с шелковой розой, под морозящим почти-дождем, и наблюдала, как заполняется яма.

Земля превратилась в грязь и стала, пожалуй, тяжелее.

Казалось, прошла целая жизнь – и очень нелегкая – прежде чем Толстяк Чарли закинул последнюю лопату земли.

Миссис Хигглер подошла, сняла с изгороди пиджак и протянула Толстяку Чарли.

– Ты промок до нитки, весь потный и грязный, но прямо будто подросток. Добро пожаловать домой, Толстяк Чарли, – улыбнулась она и прижала его к безбрежной груди.

– Я не плачу, – сообщил ей Толстяк Чарли.

– Тише-тише, – сказала миссис Хигглер.

– Это все из-за дождя, – сказал Толстяк Чарли.

Миссис Хигглер не ответила. Она просто держала его, покачиваясь вперед и назад, и наконец Толстяк Чарли сказал: «Хватит. Мне уже лучше».

– Дома осталась еда, – ответила миссис Хигглер. – Давай я тебя накормлю.

На стоянке он вытер с ботинок грязь, после чего сел в серый арендованный автомобиль и, следуя за бордовым «универсалом» миссис Хигглер, поехал по улицам, которых двадцать лет назад еще не было. Миссис Хигглер вела автомобиль как женщина, которая собралась выпить крайне ей необходимую гигантскую чашку кофе, и при этом ее задачей было выпить его при максимально возможной скорости, а Толстяк Чарли ехал следом, держась за ней так плотно, как только мог, и, разгоняясь от одного светофора до другого, пытался хотя бы приблизительно прикинуть, где они находятся.

А затем они свернули, и с нарастающим дурным предчувствием он понял, что узнает это место. На этой улице он жил, когда был маленьким. Даже дома выглядели примерно так же, хотя вокруг большинства дворов выросли внушительные сетчатые изгороди.

Напротив дома миссис Хигглер было припарковано несколько машин. Он остановился за стареньким серым «фордом». Миссис Хигглер отперла ключом входную дверь.

Толстяк Чарли оглядел себя, грязного и потного, хоть выжимай.

– Я не могу в таком виде, – сказал он.

– Видала и похуже, – хмыкнув, ответила миссис Хигглер. – Значит так, идешь прямым в ванную, умываешься, приводишь себя в порядок, а как закончишь – мы ждем тебя на кухне. Он прошел в ванную. Все здесь пахло жасмином. Он снял перепачканную рубашку, вымыл в

маленькой раковине лицо и руки мылом с ароматом жасмина. Протер грудь полотенцем, оттер грязь с костюмных брюк. Оглядел рубашку – утром она была белой, а теперь стала грязно-коричневой – и решил ее не надевать. В сумке, на заднем сиденье арендованной машины, есть другие рубашки. Он незаметно выскользнет из дома, натянет чистую рубашку и уже после этого встретится с гостями миссис Хигглер.

Он щелкнул запором и отворил дверь ванной.

В коридоре, уставившись на него, стояли четыре старушки. И он их знал. Он знал их всех.

– Ну и что это ты делаешь? – спросила миссис Хигглер.

– Меняю рубашку, – сказал Толстяк Чарли. – Рубашка в машине. Да. Сейчас вернусь.

С высоко поднятой головой он прошагал по коридору и вышел на улицу.

– На каком это языке он говорил? – громко спросила крохотная миссис Данвидди за его спиной.

– Такое не каждый день увидишь, – сказала миссис Бустамонте, хотя если что на флоридском побережье каждый день и видишь, так это полуобнаженных мужчин – правда, чаще всего, не в грязных штанах.

Толстяк Чарли переоделся в машине и вернулся в дом. Четыре дамы были на кухне, они усердно перекладывали в пластиковые контейнеры еду, явно только что служившую угощением.

Миссис Хигглер была старше миссис Бустамонте, а обе они были старше мисс Ноулз, а миссис Данвидди была старше всех. Она была стара и выглядела соответствующе. Даже некоторые геологические эпохи, возможно, много моложе миссис Данвидди.

Мальчиком Толстяк Чарли представлял, как миссис Данвидди в Экваториальной Африке с неодобрением разглядывает сквозь толстые линзы очков только что выпрямившихся гоминидов. «Держись от моего двора подальше, – могла бы сказать она только что произошедшему и потому робкому представителю *homo habilis*, – а не то уши надеру – мало не покажется». Пахло от миссис Данвидди фиалковой водой, а под фиалками скрывался запах очень старой женщины.

Она была маленькой старушкой, но взглядом, кажется, могла укротить бурю, и Толстяк Чарли, который два десятилетия назад забрался к ней во двор в поисках теннисного мяча и сломал одно из садовых украшений на лужайке, до сих пор порядком ее побаивался.

Сейчас миссис Данвидди ела козлятину с соусом карри, доставая руками кусочки из маленького контейнера. «Не выкидывать же», – сказала она, складывая косточки на фарфоровое блюдо.

– Не пора ли тебе поесть, Толстяк Чарли? – спросила мисс Ноулз.

– Да нет, – сказал Толстяк Чарли. – Честно.

Четыре пары глаз укоризненно уставились на него сквозь четыре пары очков.

– Негоже морить себя голодом от горя, – сказала миссис Данвидди, облизав пальцы и схватив очередной поджаристый и жирный кусочек козлятины.

– Я не морю. Просто не хочу есть, вот и все.

– Если не есть с горя, кожа да кости останутся, – сказала мисс Ноулз с каким-то мрачным удовольствием.

– Я так не думаю.

– Я тебе уже положила, – сказала миссис Хигглер, – так что садись и ешь. И чтоб я ни слова от тебя больше не слышала. Еды у нас навалом, не волнуйся.

Толстяк Чарли сел, где ему было указано, и через секунду перед ним появились тарелка, заполненная до краев тушеным мясом с горохом и рисом, а также бататовый пудинг, вяленая свинина, козлятина, приправленная карри, курица, тоже в карри, жареные бананы и говяжий

окорок в маринаде⁹. Толстяк Чарли сразу почувствовал изжогу, хотя еще ни кусочка в рот не положил.

– А где все остальные? – спросил он.

– Событьльники твоего папаши пьют и собираются устроить рыбалку с моста в память о нем. – Миссис Хигглер вылила из своей кружки размером с ведро остатки кофе в раковину и налила в нее же новый, только что сваренный.

Миссис Данвидди облизала маленьким багровым языком пальцы дочиста и переместилась поближе к Толстяку Чарли и его еще не тронутой еде. Когда он был маленьким, он искренне верил, что миссис Данвидди – колдунья. Причем не из добрых, а из тех, от кого можно избавиться, лишь засунув в печь. За последние двадцать лет, если не больше, Толстяк Чарли видел миссис Данвидди первый раз, но ему по-прежнему приходилось подавлять в себе желание при виде ее заорать «мама!» и залезть под стол.

– Я вот многих похоронила, – сказала миссис Данвидди. – За свою жизнь. Станешь старше, сам увидишь. Все когда-нибудь умрут, дай только время. – Она замолкла. – Но знаешь... Я никогда не думала, что это случится с твоим отцом, – покачала она головой.

– Каким он был? – спросил Толстяк Чарли. – В молодости.

Миссис Данвидди взглянула на него сквозь толстые-претолстые линзы, скривила губы и покачала головой.

– Я тогда еще не родилась, – вот и все, что она сказала. – Ешь свой окорок.

Толстяк Чарли вздохнул и приступил к еде.

* * *

День клонился к вечеру. В доме они остались одни.

– Где собираешься ночевать сегодня? – спросила миссис Хигглер.

– Думал снять номер в мотеле, – ответил Толстяк Чарли.

– При том, что в этом доме есть прекрасная спальня. А чуть ниже по улице прекрасный дом, на который ты даже не глянул еще? Если хочешь знать мое мнение, так твой отец хотел бы, чтобы ты остановился там.

– Мне нужно побыть одному. И я не уверен, что хочу ночевать в отцовском доме.

– Ну, твои деньги, тебе и тратиться, – сказала миссис Хигглер. – Но тебе в любом случае придется решить, как ты собираешься поступить с отцовским домом. И всеми его пожитками.

– Да все равно, – сказал Толстяк Чарли. – Можно устроить гаражную распродажу. На И-бэй выставить. На свалку свезти.

– С какой это стати? – Она покопалась в кухонном столе и вытянула из ящика ключ от входной двери с большим бумажным ярлыком. – Он дал мне запасной ключ, когда въехал, – сказала она. – На тот случай, если потеряет свой, или захлопнет дверь, или еще что-нибудь. Он говорил, что и голову мог бы потерять, не будь она прикручена к шее. А когда продавал старый дом, сказал мне, не волнуйся, Келлиэнн, я далеко не уеду, он ведь прожил в этом доме столько, сколько я себя помню, но вот решил, что дом для него слишком велик, и ему нужно переехать... – не переставая говорить, она вывела Толстяка Чарли на улицу и провезла его в бордовом «универсале» несколько кварталов, к одноэтажному деревянному дому.

Она открыла дверь, и они вошли.

Знакомый запах: сладковатый, как будто последнее, что готовили на кухне, это шоколадные печенья, но готовили их очень давно. И здесь было слишком жарко. Миссис Хигглер провела его в маленькую гостиную и включила втиснутый в оконный проем кондиционер. Тот загрохотал, затрясся, завонял мокрой псиной и погнал теплый воздух. Вокруг ветхого дивана,

---

⁹ Почти все – блюда с Ямайки, очень острые.

который Толстяк Чарли помнил с детства, штабелями лежали книжки и две фотографии в рамках: на первой, черно-белой, была мать Толстяка Чарли, молодая, в платье с блестками, волосы, черные и блестящие, собраны в высокую прическу; рядом – фотография Толстяка Чарли. Ему на снимке лет пять-шесть, и он стоит у зеркальной двери так, что поначалу кажется, будто с фотографии на тебя серьезно глядят два маленьких Толстяка Чарли, стоя плечом к плечу.

Толстяк Чарли взял верхнюю книжку из стопки. Это оказалась книга об итальянской архитектуре.

– Он интересовался архитектурой?

– Страстно. Весьма.

– Не знал.

Миссис Хигглер пожала плечами и отпила немного кофе.

Толстяк Чарли открыл книжку и увидел отцовское имя, аккуратно выведенное на первой странице. Захлопнул.

– Я ведь не знал его, – сказал Толстяк Чарли. – По-настоящему.

– Узнать его было нелегко, – ответила миссис Хигглер. – Я с ним была знакома лет шестьдесят. И то его не знала.

– Вы, должно быть, знали его, когда он был еще мальчишкой.

Миссис Хигглер помолчала. Казалось, она погрузилась в воспоминания. Затем сказала, очень тихо:

– Я знала его, когда была девчонкой.

Толстяк Чарли почувствовал, что тему надо сменить, и ткнул в фото матери.

– Мамина фотография, – сказал он.

Миссис Хигглер сделала шумный глоток.

– Это снято на корабле, – сказала она. – Задолго до твоего рождения. На одном из тех кораблей, где ты сначала ужинаешь, а потом он отходит мили на три от территориальных вод и начинаются азартные игры. А потом он возвращается. Не знаю даже, есть ли сейчас такое. Твоя мать говорила, что там она первый раз попробовала стейк.

Толстяк Чарли попытался представить родителей до своего рождения.

– Он всегда был красивым мужчиной, – задумчиво сказала миссис Хигглер, словно прочитав мысли Толстяка Чарли. – До самого конца. А улыбка такая, что у девочек пальцы на ногах сжимались. И всегда такой был модник. Все женщины его любили.

Еще не задав вопрос, Толстяк Чарли знал, каким будет ответ.

– Но вы...

– Разве спрашивают такое у почтенной вдовы, – отпила она кофе. Толстяк Чарли ждал ответа. Она сказала: – Я целовалась с ним. Давно, очень давно. Еще до того, как он познакомился с твоей матерью. Целовался он прекрасно, прекрасно. Я все ждала, что он позвонит, позовет меня снова на танцы, а он взял и пропал. Уехал на сколько, на год? Или на два? А когда вернулся, я уже была замужем за мистером Хигглером, а он привез твою мать. На островах ее встретил, вот где.

– Вы расстроились?

– Я была замужем, – еще один глоток кофе. – И его нельзя было ненавидеть. Даже если ты был очень на него зол. А как он смотрел на нее – черт возьми, да если бы он на меня так хоть раз посмотрел, я бы умерла от счастья. Ты знал, что я была подружкой невесты на их свадьбе?

– Нет.

Кондиционер начал реветь холодным. Мокрой псиной, впрочем, несло по-прежнему.

Он спросил:

– Думаете, они были счастливы?

– Поначалу. – Она подняла огромную горячую кружку, собираясь, кажется, сделать глоток, но передумала. – Поначалу. Но даже она не могла занять его надолго. У него было столько дел. Он был очень занят, твой отец.

Толстяк Чарли пытался разобраться, шутит миссис Хигглер или нет. Непонятно. Впрочем, она не улыбалась.

– Столько дел? Например? Рыбачить с моста? В домино играть на крыльце? Ждать неминуемого изобретения караоке? Он не был занят. Он вообще ни дня не работал, сколько я его знал.

– Ты не должен говорить о своем отце такое!

– Но это правда. Он был дерьмом! Поганый муж и поганый отец.

– Разумеется! – свирепо сказала миссис Хигглер. – Но его нельзя судить как обычного человека. Нужно учитывать, Толстяк Чарли, что твой отец был божеством.

– *Божеством среди людей*¹⁰?

– Нет. Просто божеством. – Она сказала это без нажима, так спокойно и обыденно, как если бы утверждала, что отец Толстяка Чарли диабетик или, еще банальнее, черный.

Толстяк Чарли хотел свести все к шутке, но увидел, как смотрит на него миссис Хигглер, и все забавные мысли вылетели у него из головы. Поэтому он мягко сказал:

– Он не был богом. Боги особенные. Они мифические. Они совершают чудеса и всякие штуки.

– Нет, был, – сказала миссис Хигглер. – Мы не рассказывали тебе, пока он был жив, но теперь его нет, так что вреда никакого не будет.

– Он не был богом. Он был моим отцом.

– Одно другому не мешает, – сказала она. – Всякое случается.

Это все равно что спорить с сумасшедшей, подумал Толстяк Чарли. Он понял, что должен просто заткнуться, но язык его считал иначе. И его язык говорил:

– Слушайте, если бы мой отец был богом, у него были бы божественные способности.

– А они и были. Он ими не злоупотреблял, уверяю тебя. Но он был стар. В любом случае, как, ты думаешь, он избегал работы? Каждый раз, когда ему требовались деньги, он играл в лотерею или отправлялся в *Хэллендейл*¹¹ и ставил на собак или лошадей. Выигрывал понемногу, чтобы не привлекать лишнего внимания. Так, сводил концы с концами.

Толстяк Чарли никогда в жизни ничего не выигрывал. Ничегошеньки. Если он и принимал участие в офисных тотализаторах, то лошадь, на которую он ставил, так и не выбегала из-за передвижного барьера, а выбранная им команда оказывалась в лиге, о которой до сих пор никто не слышал, на слоновьем кладбище профессионального спорта. И это не давало ему покоя.

– Если мой отец был богом – чего, должен добавить, я ни на миг не допускаю – тогда почему я, например, не бог? В смысле, по вашим словам, я получаюсь божий сын, ведь так?

– Очевидно.

– Тогда почему я не могу ставить на победителей, или творить волшебство, или чудеса и всякие там штуки?

Она шмыгнула носом.

– Всякие божественные штуки достались твоему брату.

Толстяк Чарли почувствовал, что улыбается. Он выдохнул. Все-таки это была шутка.

– Ох. Миссис Хигглер, у меня, в общем-то, нет брата.

– Конечно есть. Вот же ты с ним, на фотографии.

Хотя Толстяк Чарли и знал, что изображено на снимке, он еще раз бросил взгляд на фотографию. Она безумна, да. Совсем с катушек съехала.

---

¹⁰ «Божество среди людей» – прямая цитата из «Политики» Аристотеля, но не факт, что Чарли об этом знает.

¹¹ Хэллендейл – такого места во Флориде нет, но есть Халландейл Бич.

– Миссис Хигглер, – сказал он так мягко, как только возможно. – Это я. Только я, маленький. Это зеркальная дверь. Я стою рядом с ней. Это я и мое отражение.

– Это ты и твой брат.

– У меня никогда не было брата!

– Конечно был. Но я по нему не скучаю. Ты всегда был добрым мальчиком, а с ним, пока он был здесь, были проблемы. – И не успел Толстяк Чарли ничего ответить, как она добавила: – Он уехал, когда ты был совсем маленьким.

Толстяк Чарли наклонился к ней. Он положил свою большую руку на костлявую руку миссис Хигглер, ту, в которой не было чашки.

– Это неправда, – возразил он.

– Луэлла Данвидди заставила его уехать, – сказала она. – Ее-то он боялся. Но он все равно приезжал, время от времени. Может быть очаровательным, когда хочет.

Кофе она допила.

– Всегда хотел брата, – заметил Толстяк Чарли, – чтобы вместе играть.

Миссис Хигглер поднялась.

– Комната сама не приберется, – сказала она. – У меня в машине мешки для мусора. Думаю, мешков понадобится много.

– Да, – сказал Толстяк Чарли.

Он переночевал в мотеле. Утром они с миссис Хигглер снова встретились в доме его отца и сложили мусор в большие черные мешки. Собрали в пакеты одежду, чтобы отдать беднякам. Одну из коробок они заполнили вещами, которые Толстяк Чарли хотел сохранить из sentimentalных соображений: главным образом, детскими фотографиями и снимками, сделанными до его рождения.

На полу лежал старый чемодан, похожий на маленький пиратский сундук с сокровищами, только в нем хранились документы и старые бумаги. Чтобы разобраться с бумагами, Толстяк Чарли сел рядом с чемоданом. Миссис Хигглер пришла из спальни с очередным черным мешком для мусора с побитой молью одеждой.

– Твой брат ему чемодан подарил, – неожиданно брякнула миссис Хигглер. До этого момента она о своих ночных фантазиях и не вспоминала.

– Хотел бы я, чтобы у меня был брат, – сказал Толстяк Чарли и даже не понял, что сказал это вслух, пока миссис Хигглер не ответила:

– Я же сказала. У тебя *есть* брат.

– Вот как, – сказал он. – Ну и где мне искать своего мифического брата?

Позже он гадал, зачем задал этот вопрос. Он ей потакал? Или поддразнивал? Или просто брякнул, чтобы заполнить пустоту? Какой бы ни была истинная причина, он это произнес. А она пожевала нижнюю губу и кивнула.

– Ты должен знать, это твое наследие. Твоя кровь. – Она подошла к нему и поманила пальцем. Толстяк Чарли склонился к ней. Губы старухи щекотали его ухо, пока она шептала «понадобится... скажи...».

– Что?

– Я говорю, – сказала она нормальным тоном, – что если он тебе понадобится, скажи пауку. И брат тут как тут.

– Пауку?

– Ну да, я так и сказала. Или ты думаешь, я для здоровья говорю? Легкие упражняю? Ты что, никогда не слышал о разговорах с пчелами? Когда я была девчонкой, еще на Сент-Эндрюсе, до того как мои родители приехали сюда, мы рассказывали пчелам все хорошие новости. Ничего сложного. Поговори с пауком. Когда твой отец исчезал, я обычно так посылала ему сообщения.

– ...Понятно.

– Не говори мне свое «понятно», как будто...

– Как будто что?

– Как будто я безумная старуха, которая не разбирает, что к чему. Думаешь, я право от лева не отличу?

– Хм. Нет, уверен, что отличите. Честное слово.

Миссис Хигглер это не смягчило. Она явно не была этим удовлетворена. Она подхватила со стола кофейную чашку и неодобрительно прижала ее к груди. Толстяк Чарли перешел черту, и миссис Хигглер решила удостовериться, что он понимает, что натворил.

– Да я вообще не обязана это делать, – сказала она. – Не обязана тебе помогать. Я это делаю только ради твоего отца, он был особенный, и твоей матери, она была хорошей женщиной. Рассказываю тебе важные вещи, значительные вещи. И ты должен меня слушать. Ты должен мне верить.

– Я верю, – сказал Толстяк Чарли так убедительно, как только мог.

– Ты просто угождаешь старухе.

– Нет, – солгал он. – Не угождаю. Честно, нет.

В его словах звучали честность, искренность и правда. Он был в тысячах миль от дома, в доме своего покойного отца, с безумной старухой на грани апоплексического удара. Если бы ее это успокоило, он бы с максимально возможной искренностью согласился даже с тем, что луна – это экзотический тропический фрукт.

Она шмыгнула носом.

– Все-то вы знаете, молодежь, – сказала она. – Только что появились, и на тебе, во всем разобрались. Да я забыла больше, чем ты знал. Ты ничегошеньки не знаешь об отце, о своей семье ничегошеньки не знаешь. Я тебе рассказываю, что твой отец бог, а ты даже не спрашиваешь, о каком боге я говорю.

Толстяк Чарли попытался припомнить, как звали известных ему богов.

– Зевс? – предположил он.

Миссис Хигглер издала звук чайника, который подавляет в себе желание закипеть. Толстяк Чарли понял, что Зевс – неправильный ответ.

– Купидон?

Она издала еще один звук, начинающийся с фырчания и заканчивающийся хихиканьем.

– Так и представляю твоего папашу, на котором ничего нет, кроме этих мягких подгузников, с большим луком и стрелой.

Она еще немного похихикала и отпила свой кофе.

– Когда он был богом, – сказала она, – его называли Ананси.

* * *

Вам, возможно, уже известны кое-какие истории про Ананси. И может быть, в целом мире не найти теперь человека, который бы не знал про него несколько историй.

Ананси был пауком, когда мир был юн, и все истории рассказывались в первый раз. Он имел обыкновение попадать в неприятности и выпутываться из них. История смоляного чучела, та, что рассказывают про братца Кролика, – сначала была историей про Ананси. Но кое-кто по ошибке принял его за кролика. Он не был кроликом. Он был пауком.

Сколько лет люди рассказывают друг другу истории, столько лет историям про Ананси. Еще в Африке, где все началось, даже прежде, чем люди стали рисовать на скалах пещерных львов и медведей, они рассказывали друг другу истории про обезьян, и львов, и буйволов: длинные истории на сон грядущий. У людей всегда была к этому склонность. Так они ищут смысл для своих миров. Все, что бегало, и ползало, и вертелось, и змеилось, пробралось через эти истории, и разные племена чтити разных созданий.

Уже тогда Лев был царем зверей, а Газель – самой быстроногой, Обезьяна – самой глупой, а Тигр – самым ужасным. Но люди хотели услышать другие истории.

Ананси дал историям свое имя. Теперь каждая принадлежит ему. Когда-то, до того как у историй появилось имя Ананси, все они принадлежали Тигру (так люди с островов называли всех больших кошек), и сказки были темны, и злы, и наполнены болью, и ни одна не заканчивалась счастливо. Но это было очень давно. А в наши дни все истории принадлежат Ананси.

Раз уж мы только что с похорон, позвольте рассказать вам про Ананси в те времена, когда умерла его бабушка. (Не стоит переживать: она была очень стара и умерла во сне. Бывает.) Умерла она далеко от дома, и вот Ананси, он отправился со своей тележкой через весь остров, взял мертвую бабушку, положил на тележку и покатил домой. Он, видите ли, собирался похоронить ее под баньяном, что рос за его хижинкой.

И вот с самого утра он идет через город, толкая тележку с бабушкой, и думает: выпить бы немного виски. Тогда идет он в магазин, а в той деревеньке есть магазин, из тех, что продают все подряд, а в нем хозяин, у которого нервы ни к черту. Ананси, значит, заходит, выпивает немного виски. А потом еще немного, а сам думает, ох и разыграю я этого парня, ну и говорит хозяину, отнеси выпить моей бабушке, она там в тележке спит. Тебе придется ее разбудить, спит она уж больно крепко.

И значит, хозяин, выходит с бутылкой к тележке и говорит старой леди, эй, вот твой виски, но старая леди не отвечает. А хозяин, он злится все сильнее и сильнее, ведь нервы у него ни к черту, и говорит старушке, а ну-ка пей свой виски, но та в ответ ни гугу. И тут она сделала то, что, случается, делают мертвецы в жаркий день: громко выпустила газы. Ну и хозяин так разозлился на то, что старушка выпустила газы прямо на него, что как даст ей, а потом снова как даст, а когда ударил в третий раз, она взяла и свалилась с тележки на землю.

Ананси же выбежал на улицу и ну вопить, и причитать, и ругаться, и говорить, вот, моя бабушка, она теперь мертва, смотри, что ты сделал! Убийца! Злодей! А хозяин магазина и говорит, мол, не рассказывай никому, что это я сделал, и дает Ананси целых пять бутылок виски и сумку с золотом и мешок с бананами, ананасами и манго, чтобы тот перестал вопить и ушел.

(Он-то, видите ли, думает, что убил старушку.)

Ну а Ананси взял да и покатил свою тележку домой и похоронил бабушку под баньяновым деревом.

И вот на следующий день мимо дома Ананси проходит Тигр, и чует Тигр запах еды. Ну, он сам себя приглашает войти, а там Ананси устраивает пир, и поскольку у Ананси нет другого выхода, он предлагает Тигру сесть и вкусить вместе с ним.

Расскажи, брат Ананси, говорит Тигр, где ты достал столько вкусной еды, да только не лги мне. И откуда у тебя эти бутылки виски, и эта большая сумка, полная золота? Но если солжешь, я тебе горло перегрызу.

Ну а Ананси отвечает, мол, не могу я лгать тебе, брат Тигр. Я получил все это за свою мертвую бабушку, которую отвез в деревню на тележке. Хозяин магазина одарил меня этими прекрасными вещами за то, что я привез ему мертвую бабушку.

А у Тигра бабушек уже никаких не было, зато у его жены была мать, ну он пошел домой, вызвал ее, мол, бабушка, выходи, нам с тобой поговорить надо. И она выходит, озирается по сторонам и говорит, что случилось? Ну Тигр ее убивает, хоть жена ее и любила, а тело кладет на тележку.

Вот катит он тележку с мертвой тещей в деревню. Кому мертвое тело? – кричит. Кому мертвую бабушку? Но все над ним смеялись, и глумились, и насмехались, а когда увидели, что он не шутит и что стоит на своем, его забросали гнилыми фруктами, ну он и убежал.

Не в первый раз Ананси одурачил Тигра, да и не в последний. Жена Тигра никогда ему не забыла, как он убил ее мать. И случались дни, что лучше бы ему вообще не появляться на свет.

Это вам про Ананси.

Понятно, что все истории про Ананси. Даже эта.

В былые дни все звери хотели, чтобы истории называли их именем, это было как раз тогда, когда песни, что пропели мир, все еще звучали, когда они еще пели небо, и радугу, и океан, как раз тогда, когда животные были людьми, в том числе и те, кого провел паук Ананси, особенно Тигр, который хотел, чтобы все истории называли его именем.

Истории похожи на пауков со всеми их длинными лапками, и похожи на паучьи сети, в которых человек сам и запутывается, но которые кажутся такими красивыми, когда вы видите их под листвой на утренней росе, и так изящно соединяются между собой, каждая с каждой.

Что из того? Вы хотите знать, был ли Ананси похож на паука? Ну конечно – когда не был похож на человека.

Нет, он никогда не менял облик. Зависит от того, как рассказывать историю. Вот и все.

Глава 3

в которой семья собирается вместе

Толстяк Чарли улетел домой, в Англию; не совсем, конечно, домой. Но в других местах он уж точно был в гостях.

Рози поджидала его на выходе из зала прибытия, откуда он появился с маленьким чемоданчиком и большой картонной коробкой.

Задушила в объятиях, спросила:

– Как все прошло?

Он пожал плечами.

– Могло быть хуже.

– Ну, – сказала она, – по крайней мере, теперь ты можешь не беспокоиться, что он явится на свадьбу и вгонит тебя в краску.

– Есть такое.

– Мама говорит, что мы должны отложить на несколько месяцев свадьбу в знак траура.

– Твоя мама просто хочет отложить свадьбу, вот и все.

– Что за ерунда! Она считает тебя выгодной партией.

– Твоя мама не сочтет «выгодной партией» даже Брэда Питта, Билла Гейтса и принца Уильяма в одном лице. На белом свете нет такого человека, который был бы достаточно хорош, чтобы стать ее зятем.

– Ты ей нравишься, – без энтузиазма возразила Рози, и в ее голосе не было уверенности.

Матери Рози Толстяк Чарли не нравился, и это было известно всем. Мать Рози представляла собой крайне взвинченную особу со множеством недодуманных мыслей, предрассудков, тревог и надрывов. Она жила в великолепной квартире на Уимпол-стрит, и в ее огромном холодильнике не было ничего, кроме бутылок с витаминизированной водой и ржаных крекеров, а на старинном буфете стояли вазы с восковыми фруктами, с которых дважды в неделю стиралась пыль.

Во время первого визита к матери Рози Толстяк Чарли попробовал восковое яблоко на вкус. Он ужасно нервничал, он нервничал так сильно, что взял яблоко – в оправдание Чарли, от настоящего его было не отличить – и впился в него зубами. Рози яростно выдохнула. Толстяк Чарли выплюнул кусок воска в руку и решил притвориться, что любит восковые фрукты или что он с самого начала все знал и откусил просто так, для смеха; однако мать Рози, вздернув бровь, подошла к нему, забрала надкушенное яблоко и вкратце объяснила, как дороги нынче настоящие восковые фрукты, если вообще удастся их найти, и выбросила яблоко в корзину. Оставшуюся часть вечера он просидел на диване с ощущением во рту, будто свечку съел, а мать Рози не сводила с него глаз, на случай, если он покусится на очередной восковый фрукт или вздумает обглодать ножку чиппендейловского стула.

На буфете у матери Рози стояли большие цветные фотографии в серебряных рамках: Рози, когда она была девочкой, а также мамы и папы Рози, и Толстяк Чарли пристально изучал их, пытаясь найти ключ к загадке, которой была Рози. Ее отец – он умер, когда Рози было пятнадцать, – был огромным мужчиной. Начинал он поваром, потом стал шеф-поваром, затем – ресторатором. На фото он всегда прекрасно получался, словно перед каждым кадром его наряжал костюмер, был толст, улыбчив и одной рукой постоянно обнимал жену.

– Готовил он потрясающе, – сказала Рози.

На фотографиях мать Рози представала улыбчивой пышечкой.

Теперь, двадцать лет спустя, она напоминала тощую *Эрту Китт*¹², и Толстяк Чарли ни разу не видел на ее лице улыбки.

– А твоя мама когда-нибудь готовила? – спросил как-то Чарли.

– Не знаю. Не помню такого.

– Что же она ест? В смысле, не может ведь она жить на крекерах и воде.

Рози сказала:

– Думаю, она заказывает еду с доставкой.

Толстяк Чарли решил, что мама Рози, скорее всего, превращается ночью в летучую мышь и пьет кровь у ничего не ведающих спящих людей. Однажды его угораздило сказать об этом Рози, но та ничего забавного в этой фантазии не нашла.

Мать сказала Рози, что Толстяк Чарли женится на ней ради денег.

– Каких денег? – спросила Рози.

Мать обвела рукой свою квартиру, объединив этим жестом восковые фрукты, антикварную мебель, картины на стенах, и поджала губы.

– Но это же все твое, – сказала Рози, которая жила на свою зарплату и работала в лондонской благотворительной конторе, но зарплата была такой скромной, что ей приходилось тратить деньги, оставленные по завещанию отцом. Из них она оплачивала маленькую квартирку, которую делила сначала с австралийками, а потом новозеландками, и подержанный «гольф».

– Я же не вечная, – фыркнула мать так, что стало ясно: она твердо решила жить вечно, становясь все жестче и тоньше, и все больше походя на камень, а есть при этом все меньше, пока ей не достанет лишь воздуха, восковых фруктов и неизбежной злобы.

Рози, которая везла Толстяка Чарли из Хитроу, решила сменить тему.

– У меня в квартире нет воды, – сказала она. – И во всем доме тоже.

– Почему это?

– Из-за миссис Клингер с нижнего этажа. Она говорит, где-то протечка.

– Может, это у миссис Клингер протечка?

– *Чарли!* Так что я подумала, может, принять ванну у тебя?

– Потереть тебе спинку?

– *Чарли!*

– Конечно. Без проблем.

Рози вперилась в багажник остановившегося впереди автомобиля, потом сняла руку с рычага переключения скоростей, дотянулась до его громадной ладони и сжала ее.

– Мы ведь скоро поженимся, – сказала она.

– Ну да, – согласился Толстяк Чарли.

– Ну, я имею в виду, – сказала она, – у нас будет куча времени для этого, понимаешь?

– Да, конечно, – снова согласился Толстяк Чарли.

– Знаешь, что сказала мама?

– Э-э-э. Что смертную казнь через повешение стоило бы вернуть?

– Нет. Она сказала, что если бы в первый год совместной жизни молодожены кидали в банку монетку каждый раз, когда занимаются любовью, а потом перед каждым занятием любовью монетку вынимали, банка никогда бы не опустела.

– И это означает?..

– Ну, – сказала она, – это любопытно, разве нет? Мы с резиновой уточкой приедем часов в восемь. Как у тебя с полотенцами?

– Гм.

– Я привезу свое.

---

¹² Эрта Китт (1927–2008) – американская певица и актриса.

Толстяк Чарли не думал, что мир перевернется, если в банке окажется хоть одна монетка до того, как они свяжут себя узами брака и разрежут свадебный торт, но у Розы по этому вопросу было собственное мнение, так что вопрос был закрыт. Банка оставалась пустой.

* * *

Оказавшись дома, Толстяк Чарли понял, что проблема с возвращением в Лондон после краткого отсутствия заключается в том, что если ты прибыл ранним утром, до конца дня занять себя практически нечем.

Толстяк Чарли был из тех, кто предпочитал работать. Валяться на диване и смотреть по телеку дневные шоу означало для него вернуться во времена, когда он принадлежал к когорте безработных. А потому он решил, что разумнее всего просто появиться на работе днем раньше. В олдвичском офисе агентства Грэма Коутса, на шестом, самом верхнем этаже он почувствует себя снова в строю. Они будут вести с коллегами интересные разговоры за чашечкой чая. Все великолепие жизни развернется перед ним, этот волшебный гобелен, ткущийся так непреклонно и безостановочно. И Толстяку Чарли будут рады.

– Ты ведь возвращаешься только завтра, – сказала секретарша Энни, когда он вошел. – Я всем говорила, ты вернешься только завтра. Когда звонили.

Она не шутила.

– Не мог удержаться, – сказал Толстяк Чарли.

– Очевидно не мог! – фыркнула она. – Набери Мэв Ливингстон. Она каждый день названивала.

– Я думал, ею занимается Грэм Коутс.

– Ну, значит, он хочет, чтобы ты с ней поговорил. Подожди-ка.

Она сняла трубку.

Все всегда так и говорили, Грэм Коутс. Не мистер Коутс. И никогда просто Грэм. Это было его агентство, и оно работало с деньгами клиентов, получая процент от их прибыли.

Толстяк Чарли вернулся в свой кабинет, крохотную комнатку, которую занимал вместе со шкафами для хранения документов. На компьютерном экране висел стикер с надписью «Зайди. ГК», и он прошел через холл к огромному кабинету Грэма Коутса. Дверь была закрыта. Он постучал, затем, не вполне уверенный, услышал ли ответ, если ему кто-нибудь ответил, открыл дверь и просунул голову.

Комната была пуста. Там никого не было.

– Эй, здрасте! – сказал Толстяк Чарли не слишком громко.

Нет ответа. В комнате, впрочем, что-то было не так: книжный шкаф стоял под странным углом к стене, а из-за него доносился глухой стук, будто били молотком.

Он закрыл дверь как можно тише и вернулся за свой стол. Зазвонил телефон. Он снял трубку.

– Это Грэм Коутс. Зайди.

На этот раз Грэм Коутс сидел за своим столом, а книжный шкаф стоял вплотную к стене. Грэм Коутс не предложил Толстяку Чарли присесть. Это был средних лет человек с редеющими очень светлыми волосами. При виде Грэма Коутса вам наверняка не раз случалось представлять себе хорька-альбиноса в дорогом костюме.

– Я вижу, ты снова с нами, – сказал Грэм Коутс. – Как обычно.

– Да, – сказал Толстяк Чарли и, поскольку Грэм Коутс не выказал особого удовольствия от его раннего возвращения, добавил: – извините.

Грэм Коутс сжал губы, опустил глаза на листок, лежавший на столе, и снова их поднял.

– Мне дали понять, что ты до завтра не вернешься. Чуток рановато, нет?

– Мы, в смысле, я прилетел этим утром. Из Флориды. Подумал, что можно прийти. Много дел. Горю на работе. Если можно.

– Безусловно, – сказал Грэм Коутс. От этого слова – лобового столкновения «безусловно» и «ну и славно» – у Толстяка Чарли всегда сводило зубы. – Это ж твои похороны.

– Скорее, моего отца.

Поворот головы – ну в точности хорек.

– Все равно, это твой день по болезни, как договаривались.

– Конечно.

– Мэв Ливингстон. Вдова Морриса. Беспокоится. Нуждается в утешении. Compliments и обещания. Рим не сразу строился. Мы по-прежнему пытаемся разобраться с наследством Морриса Ливингстона и передать ей деньги. Звонит практически ежедневно, нуждается в поддержке. Поручаю это тебе.

– Понятно, – сказал Толстяк Чарли. – Работать, чтобы, гм, не было покоя нечестивцам.

– Один день – один доллар, – погрозил Грэм Коутс.

– Не покладая рук! – вставил Толстяк Чарли.

– До седьмого пота, – кивнул Грэм Коутс. – Ну, приятно было поболтать, но у нас обоих много работы.

Когда Толстяк Чарли оказывался в непосредственной близости к Грэму Коутсу, с ним случались две вещи: а) он принимался говорить штампами и б) мечтать о больших черных вертолетах, которые сначала расстреляют офис агентства Грэма Коутса с воздуха, а потом сбросят на него канистры с горящим напалмом. Толстяк Чарли в своих мечтах, конечно, в офисе отсутствовал. Он сидел на веранде маленького кафе на другой стороне Олдвича, потягивал кофе с пенкой и время от времени аплодировал тем канистрам, что особенно метко достигали цели.

Из этого вы могли бы заключить, что работой Толстяка Чарли вам заморачиваться не следует, поскольку счастья она ему не приносила, – и, в целом, были бы правы. У Толстяка Чарли имелись способности к счету, которые не оставляли его без работы, а еще неповоротливость и робость, которые не оставляли ему шанса объяснить окружающим, что это такое он делает и как много он сделал.

Толстяк Чарли наблюдал, как люди неустанно стремятся к вершинам собственной некомпетентности, он же оставался на начальном уровне, делая минимально необходимое, вплоть до того дня, когда снова пополнял ряды безработных и возвращался к дневным телепрограммам. Он никогда надолго не оставался без работы, но за последние десять лет его увольняли слишком часто, чтобы он мог чувствовать себя уверенно в любой должности. Впрочем, он не принимал это на свой счет.

Он позвонил Мэв Ливингстон, вдове Морриса Ливингстона, когда-то самого известного в Британии низкорослого йоркширского комика, давнего клиента агентства Грэма Коутса.

– Здравствуйте, – сказал он. – Это Чарльз Нанси из отдела клиентских счетов агентства Грэма Коутса.

– Ах, – ответил женский голос на другом конце линии. – Я думала, Грэм сам мне позвонит.

– Он немного занят. Поэтому он, кхм, перепоручил это, – сказал Толстяк Чарли, – мне. Так что... Чем могу помочь?

– Ну, не знаю. Я просто хотела узнать, ну, то есть мой менеджер в банке хотел узнать, когда поступят остальные деньги из наследства Морриса. Грэм Коутс объяснил мне в прошлый раз, то есть, я думаю, это было в прошлый раз, когда мы обсуждали, что средства были инвестированы, в смысле, я понимаю, что для таких вещей нужно время, и он сказал, в противном случае я потеряю значительную сумму...

– Ну, – сказал Толстяк Чарли, – он над этим работает. Но для таких вещей действительно нужно время.

– Да, – сказала она. – Думаю, что это так. Я звонила в Би-би-си, и они сказали, что после смерти Морриса провели несколько платежей. Знаете, они выпустили всю серию «*Моррис Ливингстон, я полагаю?*»¹³ на DVD. И покажут оба сезона «Сзади и на висках покороче» на Рождество.

– Я этого не знал, – признался Толстяк Чарли. – Но, уверен, Грэму Коутсу это известно. Он всегда в курсе таких вещей.

– Мне пришлось купить себе этот диск, – сказала она тоскливо. – И все вернулось. *Рев грима, запах клуба Би-би-си*¹⁴. Теперь скучаю по сцене, вот что. Там я и встретила Морриса, понимаете. Я танцевала. У меня был успех.

Толстяк Чарли пообещал ей дать знать Грэму Коутсу, что ее менеджер в банке слегка озабочен, и положил трубку.

Как это возможно вообще, скучать по сцене, подумал он.

В самых страшных снах Толстяка Чарли луч света падал с темных небес на широкую сцену, а невидимые фигуры пытались заставить Толстяка Чарли войти в этот луч света и спеть. И неважно, как далеко и как быстро он убежал или как хорошо прятался, его находили и вытаскивали обратно на сцену, на глаза десяткам замерших в ожидании людей. Каждый раз он просыпался до того, как начинал петь, потный и дрожащий, с сердцем, взрывающимся в груди, как снаряды при артобстреле.

Рабочий день подходил к концу. Толстяк Чарли работал в этой конторе почти два года. Он работал здесь дольше всех, кроме самого Грэма Коутса, ибо текучка в агентстве была высока. И все же никто ему здесь не был рад.

Временами Толстяк Чарли просто сидел за столом, уставившись в окно и слушая, как бьет по стеклу бесчувственный серый дождь, воображая себя на тропическом пляже, где волны невозможно синего моря разбиваются о невозможно желтый песок. Он часто представлял себе, как люди на том пляже, наблюдая белые пальцы волн, цепляющиеся за берег, и слушая тропических птиц, насвистывающих в пальмах, мечтают о том, чтобы оказаться в Англии, в дождь, в комнатке размером со шкаф, на шестом этаже, на безопасном удалении от матово-золотого чистейшего песка и адской скуки дня, столь совершенного, что даже кремовый коктейль, куда немного перелили рома, и с красным бумажным зонтиком в бокале, не может ее смягчить. И это его утешало.

На пути домой он купил в винном магазине бутылку немецкого белого вина, а в крохотном супермаркете по соседству взял свечку с запахом пачули и захватил пиццу в «Пицца плейс».

Рози позвонила в половине восьмого с занятий йогой и предупредила, что немного задерживается. Затем она позвонила из своей машины в восемь и предупредила, что попала в пробку, и через пятнадцать минут, предупредив, что подъезжает, хотя к этому времени Толстяк Чарли один выпил почти всю бутылку, а от пиццы у него оставался лишь одинокий треугольник.

Позднее он предположил, что за него говорило вино.

Рози приехала в 21.20, с полотенцами и сумкой «Теско», полной шампуней, мыла и большой банкой майонеза, из которого делала маску для волос. Она быстро и радостно отказалась от бокала белого вина и кусочка пиццы – как она объяснила, успела перекусить в пробке. Прямо туда заказала еду с доставкой. Тогда Толстяк Чарли сел на кухне и налил себе последний бокал

---

¹³ «Моррис Ливингстон, я полагаю?» – в названии шоу обыгрывается фраза, которой встретил разыскиваемого в джунглях Африки миссионера Дэвида Ливингстона (1813–1873) Генри Стэнли (1841–1904), журналист и путешественник: «Доктор Ливингстон, я полагаю?».

¹⁴ Рев грима, запах клуба Би-би-си – аллюзия на название мюзикла «Рев грима, запах толпы» («The Roar Of The Greasepaint, The Smell Of The Crowd», 1964).

вина, собрал сыр и пепперони с холодной пиццы, а Рози ушла наполнять ванну, как вдруг довольно громко закричала.

Толстяк Чарли оказался в ванной прежде, чем стих первый крик, в тот момент, когда Рози набирала в легкие воздух, чтобы крикнуть еще. Он был уверен, что обнаружит ее истекающей кровью. К его удивлению и облегчению, это было не так. Она стояла в голубом лифчике и трусиках и указывала пальцем на ванну, в центре которой сидел огромный коричневый садовый паук.

– Извини, – жалобно сказала она, – он застал меня врасплох.

– Они такие, – сказал Толстяк Чарли. – Сейчас я его смою.

– Даже не думай! – энергично возразила Рози. – Это живое существо. Просто вынеси его отсюда.

– Хорошо, – согласился Толстяк Чарли.

– Я подожду на кухне, – сказала она. – Позови, когда закончишь.

Приняв на грудь бутылку белого вина, уговорить с помощью старой открытки ко дню рождения упрямого садового паука забраться в чистый пластиковый стаканчик довольно непросто; решению этой задачи не слишком способствует полурасдетая невеста на грани истерики, которая хоть и заявила, что подождет на кухне, постоянно заглядывает через плечо и лезет с советами.

Но довольно скоро, несмотря на помощь, он загнал паука в стаканчик, накрыв его сверху открыткой от одноклассницы «ТЕБЕ СЕГОДНЯ СТОЛЬКО, НА СКОЛЬКО ТЫ СЕБЯ ОЩУЩАЕШЬ» (а на внутренней стороне – шутивное: «ТАК ПЕРЕСТАНЬ СЕБЯ ОЩУЩАТЬ, СЕКС-МАНЬЯК! С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ»).

Он спустился с пауком вниз, вышел за дверь, в маленький садик, состоящий из живой изгороди, в которую можно было блевать, вымощенный крупной плиткой, меж которой пробивалась трава. Поднял стаканчик повыше. В желтом свете газоразрядной лампы паук казался черным. Толстяк Чарли вообразил, будто паук смотрит прямо на него.

– Извини, – сказал он пауку и, поскольку внутри у него приятно плескалось белое вино, произнес это вслух.

Он положил открытку, поставил стаканчик на расколотую плитку и подождал, пока паук убежит. Однако тот замер аккуратно на морде счастливого медвежонка с открытки. Человек и паук разглядывали друг друга.

И тут он вспомнил то, что сказала миссис Хигглер, и слова вылетели из его рта прежде, чем он успел их остановить. Может, в него черт вселился. А может, это все алкоголь.

– Если увидишь моего братца, – сказал Толстяк Чарли, – передай, пусть заглянет на огонек.

Паук замер на месте, поднял лапку, словно решил поразмышлять над услышанным, а затем рванул через плитку в сторону изгороди, и был таков.

* * *

Рози приняла ванну, одарила Толстяка Чарли долгим поцелуем в щеку и уехала домой.

Толстяк Чарли включил телевизор, но почувствовав, что клюет носом, выключил его и отправился в постель, где ему приснился сон такой яркий и странный, какие не забывают до конца своих дней.

Есть один точный способ отделить сон от яви: это когда во сне вы попадаете куда-то, где никогда не были в реальной жизни. Толстяк Чарли никогда не был в Калифорнии. Он никогда не был в Беверли Хиллз. Однако довольно часто видел эти места в кино и по телевизору, чтобы ощутить сладкий трепет узнавания. Вечеринка была в разгаре.

Внизу мигали и мерцали огни Лос-Анджелеса.

Люди на вечеринке, похоже, четко делились на тех, у кого были серебряные подносы с безупречными канапе, и тех, кто брал с серебряных подносов канапе или отказывался от них. Те, что ели, перемещались по огромному дому, сплетничая, улыбаясь, болтая, каждый будучи столь же уверен в собственной принадлежности миру Голливуда, как придворные в Древней Японии были уверены в своей принадлежности императорскому двору – и точно так же, как при японском императорском дворе, каждый был убежден, что стоит подняться всего на ступеньку выше – и он в безопасности. Здесь были актеры, желавшие стать звездами, звезды, которые хотели быть независимыми продюсерами, независимые продюсеры, тосковавшие по надежной студийной работе, режиссеры, мечтавшие о статусе звезд, студийные боссы, желавшие быть боссами других, менее уважаемых студий, студийные адвокаты, которые хотели, чтобы их любили такими, какие они есть, а когда это не получалось – чтобы просто любили.

Во сне Толстяк Чарли видел себя сразу изнутри и снаружи, при этом он не был собой. В обычном сне Толстяк Чарли оказался бы, скорее всего, на экзамене по двойной бухгалтерии, которую он не выучил, при обстоятельствах, делавших несомненным тот факт, что когда он наконец встанет из-за стола, то обнаружит, что, одеваясь утром, позабыл что-либо на себя надеть. В обычных снах Толстяк Чарли был самим собой, только еще нескладнее.

Но не в этом сне.

В этом сне Толстяк Чарли был крут. Больше чем крут. Симпатичный, сообразительный, умный, единственный, кто оказался на вечеринке без приглашения и серебряного подноса. И (что поразило спящего Толстяка Чарли, который и представить не мог ничего более неприятного, чем явиться куда-либо без приглашения) он прекрасно проводил время.

Каждому, кто спрашивал, кто он и откуда, он говорил что-то свое. Через полчаса большинство участников вечеринки были убеждены, что он – представитель иностранной инвестиционной компании, которая целиком выкупает одну из студий, а еще через полчаса выяснилось, что он нацелился на «Парамаунт».

Смеялся он хрипло и заразительно и, похоже, проводил время лучше, чем кто-либо еще в этот вечер, можно не сомневаться. Он научил бармена готовить коктейль, названный им «Двойной *entendre*», который хоть и основан, на первый взгляд, на шампанском, на самом деле, как объяснил он бармену, с научной точки зрения, абсолютно безалкоголен. Плеснул того, плеснул сего – пока коктейль не приобретет яркий фиолетовый цвет. Он передавал бокалы участникам вечеринки с таким удовольствием и энтузиазмом, что даже те, кто осторожно потягивал газировку, словно опасаясь, что она может взорваться, с радостью заливали в себя фиолетовый напиток.

А затем, повинувшись логике сна, он повел всех к бассейну и предложил научить ходить по воде аки посуху. Все дело в вере, сказал он, в подходе, напоре, знании, как это делать. И людям на вечеринке показалось, что хождение по водам – прекрасный фокус, секрет которого они всегда – в глубине души – знали, но забыли, пока этот человек не напомнил, как это делать.

Снимите туфли, сказал он, и они сняли туфли. «Серджо Росси», «Кристиан Лубутен» и «Рене Каовилла» выстроились бок о бок с «Найками» и «Мартенсами», и безымянными агентскими туфлями черной кожи, и он повел людей, будто танцующих конгу, вдоль бассейна, а затем – прямо по воде. Вода была прохладной, и колыхалась под ногами как желе; некоторые дамы и несколько мужчин похихикали над этим, а парочка молодых агентов принялась подпрыгивать, как дети в надувном замке. Далеко внизу, сквозь смог, как далекие галактики, сияли огни Лос-Анджелеса.

Вскоре на каждом дюйме водной поверхности кто-нибудь стоял, плясал, дергался или скакал. Толпа так наседала, что стильный парень – то есть Чарли-в-своем-сне – отступил на бетонный бортик, чтобы взять с серебряного подноса шарик фалафеля с сашими.

С куста жасмина на плечо стильного парня упал паук. Он быстро сбежал по его руке в ладонь, а стильный парень приветствовал его радостным «здорово!».

Наступило молчание, словно он прислушивался к тому, что говорил паук и что мог слышать он один, а потом сказал:

– Просите и получите. Разве не так?

И осторожно посадил паука на лист жасмина.

И в тот же самый момент все, кто стоял босиком на воде, вспомнили, что вода жидкая, а не твердая, и лишь по одной причине люди обычно по ней не гуляют, не говоря уже о танцах и прыжках, а именно: потому что это невозможно.

Эти люди, распорядители на фабрике грез, внезапно замолотили руками и ногами в полном облачении на глубине от четырех до двенадцати футов, мокрые, цепляющиеся друг за друга, испуганные.

А стильный парень пересек бассейн, прямо по рукам и головам – и ни разу при этом не потерял равновесия. Оказавшись в дальнем углу бассейна, где все заканчивалось крутым обрывом, он с силой оттолкнулся и спикировал в мерцающие огни ночного Лос-Анджелеса, которые поглотили его словно океан.

А из бассейна выкарабкивались злые, расстроенные, обескураженные, мокрые и нахлебавшиеся воды участники вечеринки...

В южном Лондоне стояло раннее сизое утро.

Толстяк Чарли выбрался из постели, встревоженный сном, и подошел к окну. Шторы были раздвинуты. Занималась заря, огромное кроваво-оранжевое утреннее солнце, окруженное серыми тучами, окрашивалось багрянцем. При виде такого неба даже у самого прагматичного человека пробуждается потаенное желание писать маслом пейзажи.

Толстяк Чарли смотрел, как вставало солнце. Небо красное с утра, моряку не ждать добра¹⁵, подумал он.

Какой странный сон. *Вечеринка в Голливуде. Тайна хождения по водам. И тот человек, вроде бы он сам – и как будто нет...*

Толстяк Чарли понял, что знает человека из своего сна, откуда-то знает, а также, что если Чарли даст слабину, это будет беспокоить его весь день, словно обрывок зубной нити, застрявший между зубами, или вопрос о различии между словами «похотливый» и «сладострастный» – застрянет и будет раздражать.

Он уставился в окно.

Было всего шесть утра, и мир пребывал в покое. Проснувшийся раньше других собачник на другом конце улицы побуждал своего шпица очистить желудок. Почтальон неторопливо перемещался от дома к дому и обратно к своему красному минивэну. Но вдруг что-то как будто сдвинулось на тротуаре перед домом, и Толстяк Чарли опустил взгляд. У изгороди стоял человек.

Когда тот заметил, что Толстяк Чарли, в пижаме, смотрит на него сверху вниз, он ухмыльнулся и помахал рукой. Мгновенное узнавание потрясло Толстяка Чарли до глубины души: и усмешка, и этот жест были ему знакомы, хотя он не мог сразу сказать, откуда. Что-то связанное со сном все еще не оставляло Толстяка Чарли, беспокоя и превращая реальность в продолжение сна. Он протер глаза, и человек у изгороди исчез. Толстяк Чарли надеялся, что тот двинулся дальше по улице, в клочья утреннего тумана, забрав с собой и неловкость, и раздражение, и помешательство, которые принес.

---

¹⁵ Red sky in the morning, sailor's warning – английская поговорка, которая берет свое начало от евангельского текста (Матфей, 16:2–3): «Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово».

И тут в дверь позвонили.

Толстяк Чарли накинул халат и спустился.

Он никогда, ни разу в жизни, не использовал дверную цепочку, но на этот раз, прежде чем повернуть ручку двери, накинул цепочку и лишь тогда на шесть дюймов приоткрыл дверь.

– Доброе... – сказал он осторожно.

Улыбка, которая пробилась сквозь щель, могла бы осветить небольшую деревню.

– Ты звал, и я пришел, – сказал незнакомец. – Вот. Ты собираешься впустить меня, Толстяк Чарли?

– Кто вы? – сказав это, он уже знал, где видел этого человека: на похоронах матери, в маленькой часовне при крематории. Именно там он в последний раз видел эту улыбку. И он уже знал ответ, еще до того, как человек произнес хоть слово.

– Я твой брат, – сказал тот.

Толстяк Чарли закрыл дверь. Он снял дверную цепочку и открыл дверь настежь. Человек никуда не делся.

Толстяк Чарли в точности не знал, как приветствовать брата, в которого он прежде не верил. Так они стояли, каждый на своей стороне, пока брат не сказал:

– Зови меня Пауком. Войти пригласишь?

– Да. Я. Конечно. Ну да. Прошу. Заходи.

Толстяк Чарли провел человека наверх.

Невозможное случается. И когда это происходит, большинство из нас с этим справляется. Сегодня, как и в любой другой день, около пяти тысяч человек на этой планете получают один-шанс-на-мил-лион, встретившись с чем-то необыкновенным, и никто из них не откажется верить собственным глазам. Большинство просто скажет на своем языке что-то вроде «чего на свете не бывает» – и пойдет себе дальше. Так что пока какая-то часть Толстяка Чарли пыталась придумать логичное, разумное, здравое объяснение происходящему, большая его часть уже привыкала к мысли, что брат, о существовании которого он не подозревал, поднимается за его спиной по лестнице.

Они дошли до кухни и остановились.

– Хочешь чаю?

– А кофе есть?

– Боюсь, только растворимый.

– Сойдет.

Толстяк Чарли включил чайник.

– Издалека, значит? – спросил он.

– Из Лос-Анджелеса.

– Как долетел?

Человек присел за стол. Пожал плечами с таким видом, который мог означать что угодно.

– Хм. Надолго к нам?

– Я как-то не думал об этом. – Человек, то есть Паук, озирался по сторонам, будто ему никогда не доводилось бывать на кухне.

– Кофе какой предпочитаешь?

– Черный как ночь, сладкий как грех.

Толстяк Чарли поставил перед ним чашку и передал сахарницу.

– Угощайся.

Пока Паук, ложка за ложкой, накладывал в кофе сахар, Толстяк Чарли сидел напротив и смотрел.

У них наблюдалось семейное сходство. Это неоспоримо, хотя только им нельзя объяснить то чувство близости, которое Толстяк Чарли так явно ощутил, увидев Паука. Брат выглядел так, как хотел бы выглядеть Толстяк Чарли, когда его не отвлекал от этих мыслей парень,

которого он с легкой досадой и утомительной регулярностью видел в зеркале ванной. Паук был выше, стройнее и круче.

Он носил черно-алую кожаную куртку и черные кожаные леггинсы (в которых чувствовал себя очень естественно). Толстяк Чарли пытался вспомнить, во что был одет стильный парень из его сна. Но было в нем что-то еще: сидя за столом напротив этого человека, Толстяк Чарли чувствовал себя нелепым, нескладным и не очень умным. Дело было не в одежде, которую носил Паук, а в понимании того, что если так оденется Толстяк Чарли, выглядеть он будет как пугало огородное. И дело было не в том, как Паук улыбался – ненарочито и радостно, – а в холодной, неопровержимой уверенности Толстяка Чарли, что он может до конца времен репетировать такую улыбку перед зеркалом, но ему никогда не удастся улыбнуться хотя бы наполовину столь обаятельно, дерзко и столь обходительно.

– Ты был на кремации мамы, – сказал Толстяк Чарли.

– Я собирался подойти к тебе после службы, – сказал Паук. – Но не был уверен, что это хорошая идея.

– Лучше бы подошел. – Толстяк Чарли подумал о чем-то и продолжил: – Я было решил, что ты и на похороны отца явишься.

– Что? – спросил Паук.

– На его похороны. Во Флориде. Пару дней назад.

Паук покачал головой.

– Он не умер. Если бы он умер, я бы точно об этом знал.

– Он умер. Я зарыл его. В смысле, засыпал могилу. Спроси миссис Хигглер.

– Ну и как он умер? – спросил Паук.

– Сердечный приступ.

– Это ничего не означает. Кроме того, что он умер.

– Ну да. Он и умер.

Паук перестал улыбаться и уставился в свой кофе, словно предполагая, что на дне чашки сможет найти ответ.

– Мне нужно проверить, – сказал Паук. – Не то чтобы я тебе не верил. Но когда речь идет о твоём старике... Тем более когда твой старик – это мой старик... – И состроил гримасу.

Толстяк Чарли знал, что она означает. Он сам, про себя, конечно, корчил такую рожу, и не один раз, когда речь шла о его отце.

– Она живет все там же? По соседству с нашим бывшим домом?

– Миссис Хигглер? Да. Там.

– Ты привез оттуда что-нибудь? Картинку или, может, фотографию?

– Да, целую коробку. – Толстяк Чарли еще не открывал большую картонную коробку, она так и стояла в гостиной. Он принес коробку на кухню и поставил на стол. Взял кухонный нож и разрезал упаковочную ленту. Паук залез в коробку своими тонкими пальцами и быстро перебирал фотографии как игральные карты, пока не вытащил ту, на которой их мать и миссис Хигглер сидят на крыльце, двадцать пять лет назад.

– Крыльцо еще на месте?

Толстяк Чарли попытался сообразить.

– Думаю, да, – сказал он.

Позже он силился припомнить, картинка ли стала очень большой или Паук сделался совсем маленьким. Он мог поклясться, что на самом деле не случилось ни того, ни другого, однако несомненно то, что Паук вошел в фотографию, которая замерцала, покрылась рябью и поглотила его целиком.

Толстяк Чарли протер глаза. Было шесть утра, и он сидел на кухне один. А перед ним на столе стояли коробка с бумагами и фотографиями и пустая чашка, которую он переставил в раковину.

Пройдя через гостиную в спальню, Толстяк Чарли лег на кровать и проспал до звонка будильника, который раздался ровно в семь пятнадцать.

Глава 4

которая завершается вечеринкой с вином, женщинами и песней

Толстяк Чарли проснулся.

Воспоминания о сне, где он встречался с кинозвездным братцем, смешались со сном, где президент Тафт заглянул на огонек, прихватив с собой полный актерский состав мультфильма «Том и Джерри». Толстяк Чарли принял душ и на метро отправился на работу.

Весь день он ощущал, что в его голове что-то засело, но никак не мог понять, что именно. Он все путал, все забывал, а в какой-то момент запел за столом – не от хорошего настроения, но запаятовав, что этого делать не следует. И лишь когда Грэм Коутс собственной персоной просунул голову в кабинет Толстяка Чарли, тот понял, что поет.

– Никаких радио, уокмэнов, МРЗ-плееров и подобных музыкальных устройств в конторе, – сказал Грэм Коутс, бросив на него свой хорьковый взгляд. – Это привносит апатичное настроение, а такого никто на рабочем месте терпеть не станет.

– Это не радио, – признался Толстяк Чарли с горящими ушами.

– Нет? Тогда что это было?

– Это я.

– Ты?

– Да. Это я пел, простите...

– Мог бы поклясться, это было радио. И тем не менее я ошибся. Боже правый. Да с такими талантами, с такой поразительной квалификацией, возможно, тебе следует оставить нас ради сцены, ради развлечения толпы, положим, бесплатных выступлений в каком-нибудь порту. Зачем занимать стол в конторе, где другие люди пытаются работать! Так ведь? Где люди делают карьеру.

– Нет, – ответил Толстяк Чарли. – Я не хочу уходить. Я просто не подумал.

– Тогда, – сказал Грэм Коутс, – тебе следует воздерживаться от пения: оставь его для ванны, душа или, предположим, пой на трибунах, поддерживая любимую команду. Я, например, болею за «Кристал пэлас». А не то тебе придется искать доходное занятие где-либо еще.

Толстяк Чарли улыбнулся, но вдруг понял, что вовсе не так хотел отреагировать, и принял серьезный вид, однако к этому времени Грэм Коутс уже ушел, и тогда Толстяк Чарли шепотом выругался, сложил на столе руки и опустил на них голову.

– Так это ты пел? – спросила новенькая из отдела взаимодействия с артистами. Девушки из этого отдела увольнялись раньше, чем Толстяк Чарли успевал запомнить их имена.

– Боюсь, что да.

– А что ты пел? Это было мило.

Толстяк Чарли вдруг понял, что не знает.

– Не могу сказать, – сказал он. – Я не слушал.

Она рассмеялась, хоть и негромко.

– Он прав. Тебе бы в студии записываться, а не терять здесь время.

Толстяк Чарли не знал, что сказать. С горящими щеками он начал вычеркивать цифры, делать заметки, подбирать стикеры с записями и приклеивать их на монитор, пока не удостоверился, что она ушла.

Позвонила Мэв Ливингстон: не мог бы Толстяк Чарли, *пожалуйста*, выяснить, звонил ли Грэм Коутс ее менеджеру в банк. Он пообещал. Она сообщила, что намерена за этим проследить.

В четыре на мобильный позвонила Роза. В ее квартире снова появилась вода и, еще одна хорошая новость, ее мать решила принять участие в организации свадьбы и предложила ей вечером обсудить детали.

– Ну, – сказал Толстяк Чарли, – если она займется организацией банкета, мы здорово сэкономим на еде.

– Не говори так. Я позвоню тебе вечером и все расскажу.

Толстяк Чарли сказал, что любит ее, и нажал на отбой.

– Тот, кто совершает личные телефонные звонки в рабочее время, пожнет бурю, – сказал Грэм Коутс. – Знаешь, чьи слова?

– Ваши?

– Именно. Именно, мои. И правдивей слов не сыщешь. Официально тебя предупреждаю.

И улыбнулся – той самодовольной улыбкой, при виде которой Толстяк Чарли начинал прикидывать все возможные последствия погружения его кулака в плотно набитую среднюю секцию Грэма Коутса. Их может быть два, решил он: увольнение и иск за причинение вреда здоровью. И все-таки это было бы здорово...

Толстяк Чарли не был жесток от природы, но помечтать-то он мог. Обычно мечты у него были маленькие и уютные. Ему бы хотелось иметь достаточно денег, чтобы при желании питаться в хороших ресторанах. Он хотел, чтобы у него была такая работа, где никто не говорил бы ему, что следует делать. Он хотел бы петь, не стесняясь, где-нибудь в таком месте, где никто бы его не услышал.

Но в тот день его мечты приняли другие очертания: для начала он научился летать, а пули так и отскакивали от его могучей груди, когда он, жужжа, падал с небес и спасал Розу от банды подлых и негодяйских похитителей. Она плотно прижималась к нему, когда они улетали на закате в его Крепость Крутости, где Роза исполнилась такой глубокой благодарности, что восторженно предложила больше не заморачиваться ожиданием и прямо сейчас проверить, как часто и как быстро они смогут наполнить свою банку...

Мечты помогали ему справиться с ежедневным стрессом в агентстве Грэма Коутса, когда он заверял клиентов, что чеки им уже отправлены, или требовал назад деньги, одолженные у агентства.

В шесть вечера Толстяк Чарли выключил компьютер и спустился с шестого этажа вниз, на улицу. Дождя не было. Над головой, пища, кружили скворцы: предзакатная городская песнь. Все куда-то торопились. Большинству, как Толстяку Чарли, нужно было подняться по Кингсвей до «Холборн-стейшн». Люди шли, опустив головы, и видно было, что всем хотелось поскорее оказаться дома.

Впрочем, один человек на улице никуда не торопился. Он стоял прямо перед Толстяком Чарли и другими прохожими, и полы его кожаной куртки хлопали на ветру. И он не улыбался.

Толстяк Чарли увидел его с другого конца улицы. И чем ближе подходил, тем нереальнее становилось все вокруг. День растаял, и Толстяк Чарли понял, что именно пытался вспомнить в течение целого дня.

– Привет, Паук, – сказал он, подходя ближе.

Паук выглядел так, словно внутри у него бушевала буря. Того и гляди расплечется, хотя в этом Толстяк Чарли не был уверен. На лице Паука и в его позе было так много эмоций, что прохожие смущенно отворачивались.

– Я был там, – сказал он глухо. – Видел миссис Хигглер. Она возила меня на могилу. Мой отец умер, а я даже не знал.

– Он был и моим отцом, Паук, – сказал Толстяк Чарли.

Как он мог забыть о Пауке, как мог отпустить его так же легко, как сон?

– Верно.

Скворцы заштриховывали предзакатное небо, кружа и перелетая от крыши к крыше.

Паук чертыхнулся и выпрямился. Похоже, он принял решение.

– Ты прав, – сказал он. – Сделаем это вместе.

– Точно, – сказал Толстяк Чарли. Потом спросил: – А что мы сделаем? – но Паук уже поймал такси.

– У нас проблемы, – поведал миру Паук. – Нет больше нашего отца. У нас тяжело на сердце. Печаль покрыла нас, как пыльца в сезон сенной лихорадки. Тьма – наш удел, а несчастье – единственный попутчик.

– Так и есть, джентльмены, – радостно отозвался таксист. – А едем-то куда?

– К трем верным средствам, что души развеют тьму, – ответил Паук.

– Я бы съел карри, – предложил Толстяк Чарли.

– Три средства есть, и только три, для облегчения смертных мук и жизненных потерь, – сказал Паук. – И средства эти: вино, женщины и песня.

– Карри – тоже неплохо, – отметил Толстяк Чарли, но никто его не слушал.

– А порядок имеет значение? – спросил водителя.

– Первое – вино, – объявил Паук. – Реки, и озера, и безбрежные океаны вина.

– Идет, – сказал таксист, встраиваясь в поток.

– У меня дурное предчувствие насчет всего этого, – с готовностью поделился Толстяк Чарли.

Паук кивнул.

– Дурное предчувствие, – сказал он. – Да. Мы оба испытываем дурное предчувствие. И сегодня мы возьмем эти дурные предчувствия и разделим их, и глянем им в лицо. Мы будем скорбеть и осушим жалкие опивки бытия. Боль разделенная, брат мой, не умножается, но сокращается наполовину. Один в поле не воин.

– Не спрашивай, по ком звонит колокол, – подхватил таксист. – Он звонит по тебе.

– Ого, – сказал Паук. – Ну и головоломку ты нам подкинул.

– Спасибо, – сказал таксист.

– Этим все и кончается, ладно. А ты у нас, типа, философ. Меня зовут Паук. Это мой брат, Толстяк Чарли.

– Чарльз, – поправил Толстяк Чарли.

– Стив, – представился таксист. – Стив Берридж.

– Мистер Берридж, – сказал Паук. – Как вы смотрите на то, чтобы быть нашим персональным водителем сегодня ночью?

Стив Берридж объяснил, что его смена подходит к концу, и он собирается ехать домой, где его ждут к ужину миссис Берридж и маленькие Берриджи.

– Слыхал? – спросил Паук. – Семейный человек. А в нашей семье только мы с братом и остались. Вот встретились в первый раз.

– Ничего себе история, – сказал таксист. – Кровная вражда?

– Вовсе нет. Он просто не знал, что у него есть брат, – ответил Паук.

– А ты? – спросил Толстяк Чарли. – Ты-то знал обо мне?

– Может, и знал, – сказал Паук. – Но разве ж все в голове удержишь, в наши-то годы.

Машина остановилась у тротуара.

– И где мы? – спросил Толстяк Чарли. Уехали они недалеко. Ему казалось, они где-то поблизости от Флит-стрит.

– То, что просили, – сказал таксист. – Вино.

Паук выбрался из такси и устался на грязные дубовые доски и чумазные окна старинного винного бара.

– Отлично, – сказал он. – Заплати ему, брат.

Толстяк Чарли расплатился с таксистом. Они прошли внутрь: по деревянным ступенькам спустились в подвал, где румяные адвокаты пили плечо к плечу с бледными банковскими

служащими. Пол был посыпан опилками, а список имевшихся в наличии вин неразборчиво выведен мелом на черной доске за барной стойкой.

– Что будешь пить? – спросил Паук.

– Бокал столового красного, – сказал Толстяк Чарли.

Паук глянул на него сурово.

– Мы – последние отпрыски рода Ананси. И мы не можем скорбеть о нашем отце со столовым красным.

– Хм. Верно. Ну, тогда что ты, то и я.

Паук подошел к барной стойке, с легкостью прокладывая путь сквозь толпу, будто никакой толпы и не было. Через несколько минут он вернулся, держа в руках два бокала, штопор и чрезвычайно пыльную бутылку. Он открыл бутылку очень легко, что особенно впечатлило Толстяка Чарли, который обычно, открыв бутылку, страдал, выуживая из своего бокала пробочные крошки.

А Паук уже разливал вино, такое темное, что оно казалось почти черным. Он наполнил оба бокала и поставил один перед Толстяком Чарли.

– Тост, – сказал он. – В память о нашем отце.

– За папу, – сказал Толстяк Чарли. Он чокнулся с Пауком, почему-то не разлив ни капли, – и сделал глоток. Вино было заметно горше обычного, с травами и солью.

– Что это?

– Похоронное вино, как раз такое, какое пьют за богов. Давненько они его не готовили. В него добавляют горькое алоэ и розмарин, и слезы дев с разбитыми сердцами.

– И его продают в баре на Флит-стрит? – Толстяк Чарли взял бутылку, но пыльная этикетка к тому же так выцвела, что ничего было не разобрать. – Никогда о таком не слышал.

– В старых барах попадаются неплохие вещи, если попросишь, – сказал Паук. – Или, может, мне так кажется.

Толстяк Чарли сделал еще глоток. Крепко ипряно.

– Не пей по глоточку, – посоветовал Паук. – Это вино скорби. Выпей залпом. Вот так. – Он сделал большой глоток и скорчил гримасу. – И так вкуснее.

Толстяк Чарли поколебался и набрал полный рот странного вина. Ему даже показалось, что он различает вкус алоэ и розмарина. Неужели оно действительно солоно от слез?

– Они кладут розмарин, чтобы помнилось, – сказал Паук и вновь наполнил бокалы. Толстяк Чарли попытался было сказать, что не настроен так много пить, ведь завтра на работу, но Паук его остановил.

– Твоя очередь говорить тост, – сказал он.

– Хм. Ладно, – сказал Толстяк Чарли. – За маму.

Они выпили за мать. Толстяк Чарли чувствовал, как усилился вкус горького вина: в глазах защипало, и чувство утраты, глубокой и болезненной, пронзило его. Он скучал по матери. Скучал по своему детству. Даже по отцу он скучал. Напротив него качал головой Паук, по лицу его скатилась и плюхнулась в бокал с вином слеза; он дотянулся до бутылки и разлил еще.

Толстяк Чарли выпил.

Скорбь пронизывала его, пока он пил, наполняя голову и тело ощущением потери и болью утраты, накрывая его с головой, как океанская волна.

Вот уже слезы потекли по лицу, растворяясь в бокале. Он ощупал карман в поисках платка. Паук разлил остатки черного вина.

– Так это вино здесь правда продают?

– У них была бутылка, но они об этом не знали. Нужно было просто напомнить.

Толстяк Чарли высморкался.

– Я никогда не знал, что у меня есть брат, – сказал он.

– Я знал, – сказал Паук. – Всегда хотел тебя отыскать, но стеснялся. Знаешь, как это бывает.

– Не совсем.

– Случались всякие вещи.

– Какие вещи?

– Вещи. Случались. Вот что делают вещи. Они случаются. Невозможно рассчитывать, что удастся за всем уследить.

– Напр'мер?

Паук отпил еще вина.

– Хорошо. В последний раз, когда я решил, что мы должны встретиться, я, типа, целыми днями это обдумывал. Чтобы все хорошо прошло. Нужно было выбрать, во что одеться. Затем нужно было решить, что сказать, когда мы встретимся. Встреча двух братьев это ж, типа, тема для эпоса, разве нет? Я решил, что единственная возможность изъясниться в подобающем тоне, – это если говорить стихами. Но какими стихами? Прочитать рэп? Устроить декламацию? В смысле, я ведь не собирался приветствовать тебя лимериком. Итак. Это должно быть что-то кромешное, мощное, ритмическое и эпическое. И я нашел нужное начало. Идеальная первая строка. «Кровь взывает к крови, как сирены в ночи». Этим многое сказано. Я знал, что мог бы все в них вместить: людей, умирающих на улицах, пот и кошмары, несокрушимую мощь свободных духом. Все бы туда засунул. Но потом я стал придумывать вторую строку, и все пошло наперекосяк. Самое лучшее, что пришло в голову, было: «*Малтай*¹⁶-талалалай-талалалай-не-кричи».

– А кто такой Малтай-талалалай? – прищурился Толстяк Чарли.

– Это не кто. Я просто показываю, где должны быть слова. Но дальше этого я так и не продвинулся, а не мог же я заявиться с одной первой строкой, несколькими малтаями и несколькими словами из эпической поэмы. Это было бы неуважительно по отношению к тебе.

– Ну...

– Вот видишь. Так что вместо этого я отправился на недельку на Гавайи. Как я и говорил, время от времени что-то такое случается.

Толстяк Чарли выпил еще вина. Оно начинало ему нравиться. Иногда яркому вкусу соответствуют яркие эмоции, и это был тот самый случай.

– Но не мог же ты *всегда* упираться во вторую строку, – сказал он.

Паук накрыл ручищу Толстяка Чарли своей изящной ладонью и сказал:

– Хватит обо мне. Хочу о тебе послушать.

– Нечего особо рассказывать, – сказал Толстяк Чарли.

Он поведал брату о своей жизни. О Розе и матери Розы, о Грэме Коутсе и агентстве Грэма Коутса, а брат слушал его и кивал. Когда Толстяк Чарли облек свою жизнь в слова, выяснилось, что она не очень-то похожа на жизнь.

– И все же, – философски заметил Толстяк Чарли, – ведь есть же люди, о которых пишут в светской хронике. И они всегда говорят, как скучна, и пуста, и бесцельна их жизнь.

Он держал над бокалом бутылку, надеясь, что вина еще хватит на солидный глоток, но из нее не вылилось ни капли. Бутылка была пуста. Она держалась дольше, чем возможно, но теперь опустела начисто.

Паук встал.

– Я встречал таких людей, – сказал он. – Людей из глянцевого журналов. Я ходил среди них и собственными глазами видел их глупые пустые жизни. Я наблюдал за ними из тени, пока

---

¹⁶ Почему малтай – потому что шалтай (humpty-dumpty). Аллюзия на стишок про Шалтая-Болтая в книге Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» в переводе А. Щербакова.

они думали, что одни. И вот что могу тебе сказать. Боюсь, никто из них не поменялся бы с тобой жизнями даже под дулом пистолета, брат. Пойдем.

– Чего? Куда это ты?

– Куда это мы. Мы выполнили первую часть сегодняшней триединой миссии. Вино выпито. Осталось еще две.

– Хм.

Толстяк Чарли вышел за Пауком на улицу в надежде, что холодный ночной воздух остудит ему голову. Не остудил. Не будь голова Толстяка Чарли надежно пристегнута к телу, она бы наверняка уплыла.

– Теперь женщины, – сказал Паук. – Потом песня.

* * *

Возможно, стоит упомянуть, что в мире Толстяка Чарли женщины просто так не появлялись. Их должны были ему представить; он должен был найти в себе смелость с ними заговорить; а заговорив, придумать тему для разговора; а потом, достигнув этих высот, приступить к покорению следующих. От него требовалось осмелиться спросить, что они делают в субботу вечером, а когда он это делал, почти неизменно выяснялось, что в это время они как раз моют голову, или ведут дневник, или чистят перышки попугаю, или просто ждут звонка от другого мужчины, который все не звонит.

Но Паук жил совсем в другом мире.

Они прошли в сторону Вест-Энда и остановились у переполненного паба. На улицу высыпали постоянные клиенты, Паук остановился и поприветствовал тех, кто, как выяснилось, праздновал день рождения молодой леди по имени Сивилла, которая была чрезвычайно польщена, когда Паук настоял на том, чтобы она и ее подруги в честь дня рождения угостились за его счет. Потом он рассказывал анекдоты (...а Дональд Дак говорит: «Пописаете на мой счет? Да за кого меня тут держат? Я вам что, извращенец какой?») и сам над ними хохотал, громко и раскатисто. Он запомнил имена всех, кто там был, разговаривал со всеми и всех внимательно слушал. А когда Паук объявил, что пора поискать другой паб, все как одна участницы дня рождения решили пойти вместе с ним...

К тому времени, когда они добрались до третьего паба, Паук напоминал героя рок-клипа. Он был увешан девушками. Девушки к нему прижимались. Некоторые его целовали, полусуто-полусерьезно. Толстяк Чарли наблюдал за всем с завистливым ужасом.

– Ты телохранитель? – спросила одна девушка.

– Что?

– Его телохранитель. Так?

– Нет, – сказал Толстяк Чарли. – Я его брат.

– Вау! – сказала она. – Не знала, что у него есть брат. Я нахожу его потрясным.

– Я тоже, – сказала еще одна, которая обнималась с Пауком, пока ее не оттеснили другие тела. Она впервые обратила внимание на Толстяка Чарли. – Ты его менеджер?

– Нет. Он его брат, – сказала первая и многозначительно добавила: – Он только что мне сказал.

Вторая не обратила на нее внимания.

– Ты тоже из Штатов? – спросила она. – У тебя, типа, небольшой акцент.

– Когда я был маленьким, – сказал Толстяк Чарли, – мы жили во Флориде. Мой отец американец, а мама – ну, она родилась на Сент-Эндрюсе, но выросла...

Никто его не слушал.

Когда они выдвинулись оттуда, оставшиеся подружки именинницы увязались за ними. Девушки обступили Паука, расспрашивая, куда они идут теперь. Назывались рестораны и ночные клубы. Но Паук только ухмылялся и продолжал идти вперед.

Толстяк Чарли, чуть поотстав, шел по их следам и чувствовал себя еще более покинутым, чем обычно.

Они, спотыкаясь, брели по миру неона и световодных ламп. Паук приобнял нескольких сразу. Он целовал их, не замедляя шага, без разбору, как человек, который сначала откусывает от одного плода, а потом от другого. Никто, кажется, не возражал.

Это ненормально, подумал Толстяк Чарли, *вот что*. Он даже не пытался их догнать, стараясь лишь не терять Паука из виду.

На языке все еще чувствовалась горечь вина.

Он вдруг понял, что рядом с ним идет девушка. Маленькая и симпатичная, если вам нравятся *пикси*¹⁷. Она дернула его за рукав.

– Что мы делаем? – спросила она. – Куда идем?

– Мы оплакиваем моего отца, – ответил он. – Кажется.

– Это что, реалити-шоу?

– Надеюсь, нет.

Паук остановился и развернулся. Глаза его беспокойно блестели.

– Здесь, – объявил он. – Прибыли. Это то, чего бы он хотел.

На входной двери паба висел оранжевый листок, на котором от руки было написано: «Сегодня. Наверху. КАРАОКЕ».

– Песня, – сказал Паук, потом добавил: – Мы начинаем!

– Нет, – возразил Толстяк Чарли.

Он остановился там, где стоял.

– Это то, что он любил, – сказал Паук.

– Я не пою. Не на людях. И я пьян. И я не думаю, что это хорошая идея.

– Это *великолепная* идея, – улыбка у Паука была всепобеждающей. Если ее правильно применить, из-за такой улыбки могла бы начаться священная война. Впрочем, Толстяка Чарли она не переубедила.

– Послушай, – сказал он, сдерживая прорывающуюся в голосе панику. – Есть вещи, которые люди не делают, верно? Некоторые не летают. Другие не занимаются сексом на людях. Кто-то не обкуривается и не торчит. Я не делаю ничего из вышеперечисленного, а еще я не пою.

– Даже ради папы?

– Особенно ради папы. Я не дам ему опозорить меня из могилы. Ну, то есть не дам опозорить еще сильнее.

– ‘Звините, – сказала одна из девушек. – ‘Звините, мы заходим? Мне холодно тут уже, а Сивилле нужно пи-пи.

– Заходим, – сказал Паук и одарил ее своей улыбкой.

Толстяк Чарли хотел было возразить, настоять на своем, но вдруг оказался в толчее паба. Себя он ненавидел.

Он поймал Паука на лестнице.

– Я войду, – сказал он. – Но петь не буду.

– Ты уже вошел.

– Я знаю. Но я не пою.

– Какой смысл говорить, что не войдешь, если ты уже вошел?

– Я не могу петь.

– Хочешь сказать, что и музыкальные таланты целиком достались мне?

---

¹⁷ Пикси – невысокий проказливый народец в английской мифологии. Пикси частенько путают с феями (и даже эльфами).

– Я хочу сказать, что если мне придется открыть рот, чтобы запеть на людях, я сблую. Паук ободряюще сжал его руку.

– Посмотришь, как я это делаю, – сказал он.

Именинница и две ее подруги вскарабкались на низенькую сцену и прохихикали «Dancing Queen». Толстяк Чарли пил джин-тоник, который кто-то сунул ему в руку, вздрагивая при каждой неправильно взятой ноте, при каждой не случившейся смене тональности. Остальные участницы дня рождения дружно аплодировали.

На сцене появилась другая девушка. Та, что спрашивала Толстяка Чарли, куда они направляются. Прозвучали первые аккорды «Stand by Me», и она запела, если понимать это слово в наиболее приблизительном и всеохватывающем смысле: она не попадала ни в одну ноту, вступала слишком поздно или слишком рано, да еще и в большинстве строчек перепутала слова. Толстяку Чарли стало ее жаль.

Девушка слезла со сцены и направилась в бар. Толстяк Чарли собирался сказать что-нибудь сочувственное, но она буквально светилась от радости.

– Это было *так* здорово, – сказала она. – В смысле, просто *потрясающе*.

Толстяк Чарли угостил ее водкой с апельсиновым соком.

– *Такая* ржачка! – сказала она. – А ты пойдешь? Давай. Ты должен попробовать. Не можешь же ты петь хреновее, чем я.

Толстяк Чарли пожал плечами, чтобы показать, как он надеялся, что в нем содержатся немереные запасы всякой хрени.

На маленькую сцену вышел Паук, и она как будто ярче осветилась.

– Ручаюсь, это будет здорово, – сообщила «водка с соком». – Кто-то говорил, ты его брат?

– Нет, – неучтиво пробормотал Толстяк Чарли, – я говорил, что *он* – мой брат.

Паук запел. Это была «Under the Boardwalk».

Ничего бы не случилось, не люби Толстяк Чарли так сильно эту песню. Когда ему было тринадцать, он считал «Under the Boardwalk» лучшей в мире песней. К тому времени, когда он превратился в уставшего от жизни пресыщенного четырнадцатилетнего подростка, этот титул перешел к «No Woman, No Cry» Боба Марли. А теперь Паук пел его песню, и пел хорошо. Он попадал в ноты, пел с чувством. Публика перестала выпивать и говорить, все смотрели на него и слушали.

Паук умолк, и все одобрительно зашумели. Будь у них шляпы, они бы наверняка подбрасывали их в воздух.

– Теперь понятно, почему ты выходить не хочешь, – сказала «водка с соком». – В смысле, куда тебе, теперь-то.

– Ну... – сказал Толстяк Чарли.

– В смысле, – добавила она с ухмылкой, – понятно, на ком из вас природа отдохнула.

Сказав это, она коснулась рукой виска и наклонила голову. Вот этот наклон головы все и решил.

Толстяк Чарли направился к сцене, выбрасывая одну ногу перед другой и демонстрируя при этом впечатляющую физическую сноровку. Пот катился с него градом.

Следующие несколько минут прошли как во сне. Он поговорил с диджеем, выбрал из списка песню – «Unforgettable» – и подождал маленькую вечность, пока ему дадут микрофон.

Во рту пересохло. Сердце ухало в груди.

На экране появилось первое слово: «Незабываема...».

Толстяк Чарли *действительно* умел петь. У него был диапазон, и мощь, и чувство. Когда он пел, в этом участвовало все его тело.

Заиграла музыка.

Мысленно Толстяк Чарли был готов открыть рот и запеть. «Незабываема, – споет он. – Ты для меня...» – Он спел бы это своему мертвому отцу, и своему брату, и этой ночи.

Только он не мог. На него смотрели люди. Дюжины две в этом верхнем зале паба. В большинстве своем женщины. Перед публикой Толстяк Чарли даже рта раскрыть не мог.

Он слышал, как играет музыка, а сам просто стоял на месте. Ему было холодно. Ноги оказались где-то очень от него далеко.

Он заставил себя открыть рот.

– Думаю, – очень отчетливо сказал он в микрофон, перекрикивая музыку, и услышал, как сказанное отражается от стен. – Думаю, меня сейчас стошнит.

И никуда ведь не сбежишь.

А потом все вокруг потеряло очертания.

* * *

Существуют мифические места. Каждое в своем роде. Некоторые имеют выход в наш мир, иные пребывают под миром, как грунтовка под краской.

И есть горы. Каменистая местность, куда вы забредаете перед тем, как добраться до скал, обозначающих пределы мира, а в этих скалах есть пещеры, глубокие пещеры, которые были обитаемы задолго до того, как на земле появились первые люди.

Они и теперь обитаемы.

Глава 5

в которой мы изучаем многочисленные последствия похмельного утра

Толстяка Чарли мучила жажда.

Толстяка Чарли мучила жажда, и у него раскалывалась голова.

Толстяка Чарли мучила жажда, и у него раскалывалась голова, а во рту было адски противно, глазам в глазницах было тесно, зубы ломило, в желудке пекло, от коленей до лба его пронзали молнии, а мозги, видимо, кто-то вытащил и заменил на ватные диски с иголками и булавками, вот почему ему так больно было даже пытаться думать, а глазам в глазницах было не просто тесно, они, очевидно, выкатились ночью, а потом их прибили на место кровельными гвоздями; а еще он чувствовал, что любой звук чуть громче обычного нежного броуновского движения молекул воздуха превышал его болевой порог. Проще было умереть.

Толстяк Чарли открыл глаза, что было ошибкой: в них попал дневной свет, а это было больно. Правда, так он узнал, где находится (в своей постели, в своей спальне), и поскольку ему на глаза попались часы на прикроватном столике, он узнал, что уже полдвенадцатого.

Хуже, думал он, с трудом подбирая слова, и быть не может: таким похмельем, возможно, ветхозаветный бог сражал мадианитян, а когда он, Толстяк Чарли, вновь увидит Грэма Коутса, то несомненно узнает, что уволен.

Он подумал, сможет ли убедительно сказать по телефону больным, но тут же осознал, что куда труднее сказать кем-либо еще.

Как попал домой, он не помнил.

Он позвонит в контору, как только вспомнит, как туда звонить. Он извинится – нетрудоспособен, желудочный грипп, в лежку, поделаться ничего нельзя...

– Слушай, – сказал ему голос кого-то, кто лежал рядом с ним в постели, – кажется, с твоей стороны стоит бутылка воды. Ты не мог бы передать ее мне?

Толстяк Чарли хотел было объяснить, что с этой стороны нет никакой воды и что в действительности ближайшая вода в раковине ванной (если предварительно продезинфицировать стаканчик для зубной щетки), но вдруг понял, что смотрит на одну из бутылок воды, выстроившихся на прикроватном столике. Он протянул руку и сомкнул пальцы, которые, казалось, принадлежат теперь кому-то другому, а затем с усилием, которое люди обычно берегут для преодоления последних метров отвесной скалы, развернулся в постели.

Это была «водка с соком».

Голая. По крайней мере, в тех частях, которые он видел.

Она взяла воду и прикрыла простыней грудь.

– Угу, – сказала она. – Он просил передать, чтобы ты, как проснешься, не переживал насчет работы и насчет того, что сказать. Он просил передать, что обо всем позаботился.

Разум Толстяка Чарли не отпускало. Страх и тревог не стало меньше. В состоянии, в котором он пребывал, в его голове хватало места лишь на один повод для беспокойства, и сейчас он переживал, успеет добраться до ванной или нет.

– Тебе нужно побольше жидкости, – сказала девушка. – Нужно пополнить свои электролиты.

В ванную Толстяк Чарли успел. После чего, раз уж он оказался там, встал под душ и стоял так, пока стены не перестали на него наплывать, а потом почистил зубы, не сблевав.

Когда он вернулся в спальню, к его облегчению, «водки с соком» там уже не было, и он начал надеяться, что она, возможно, была алкогольной галлюцинацией, как розовые слоны или кошмарное воспоминание о том, как накануне вечером он вылез на сцену петь.

Халата он найти не смог и напялил спортивный костюм, чтобы чувствовать себя достаточно одетым для посещения кухни в дальнем конце коридора.

Зазвонил телефон. Толстяк Чарли тщательно обыскал лежавший на полу у кровати пиджак, пока не нашел и не раскрыл свою «раскладушку». Он хрюкнул в трубку так неразборчиво, как только мог, на случай, если кто-то из агентства Грэма Коутса пытается выяснить его местонахождение.

– Это я, – раздался голос Паука. – Все нормально.

– Ты сказал им, что я умер?

– Даже лучше. Я сказал им, что я – это ты.

– Но, – Толстяк Чарли попытался мыслить отчетливо, – ты это не я.

– Да, я знаю. Но я сказал, что ты.

– Ты на меня даже не похож.

– Брат, не выноси мне мозг. Все улажено. Упс, мне пора. Главный босс хочет со мной поговорить.

– Грэм Коутс? Слушай, Паук...

Но Паук уже положил трубку.

В комнату вошел халат Толстяка Чарли. В нем была девушка. На ней халат смотрелся намного лучше, чем на нем. Она держала поднос, на котором стоял стакан с шипящим алка-зельцером, и еще чашка.

– Выпей и то и другое, – сказала она. – Начни с чашки. Залпом.

– А что там?

– Яичный желток, вустерский соус, табаско, соль, капелька водки, как-то так, – сказала она. – Убьет или поможет. Давай, – добавила она тоном, не терпящим возражений. – пей.

Толстяк Чарли выпил.

– О боже, – сказал он.

– Ага, – согласилась она. – Но ты еще жив.

Он не был в том уверен. Как бы то ни было, он выпил и алка-зельцер. И тут ему пришла в голову одна мысль.

– Хм, – сказал Толстяк Чарли. – Хм. Послушай. Прошлой ночью. Мы как бы. Хм.

Она выглядела озадаченной.

– Мы как бы что?

– Мы как бы. Типа. Делали *это*?

– То есть ты не помнишь? – Она изменилась в лице. – Ты говорил, что это была лучшая ночь в твоей жизни. Словно прежде ты никогда не был с женщиной. Ты был то богом, то животным, то неутомимой секс-машиной...

Толстяк Чарли не знал, куда смотреть. Она усмехнулась.

– Шучу, – сказала она. – Я помогла твоему брату доставить тебя домой, мы почистили тебе перышки, ну а потом – сам знаешь.

– Нет, – сказал он. – Я не знаю.

– Ну, ты был в полной отключке, а кровать большая. Не знаю, где спал твой брат. Он здоров, как буйвол, – поднялся с рассветом, весь светясь и сияя.

– Он пошел на работу, – сказал Толстяк Чарли. – Сказал им, что он это я.

– Разве они не заметят разницу? В смысле, вы ведь не такие уж близнецы.

– Конечно не такие. – Он тряхнул головой и посмотрел на нее. Она показала ему маленький и чрезвычайно розовый язычок. – Как тебя зовут?

– Так ты и это забыл? Я-то *твое* имя помню, ты – Толстяк Чарли.

– Чарльз, – поправил он. – Можно просто Чарльз.

– Меня зовут Дейзи, – сказала она и протянула ему руку. – Приятно познакомиться.

Они торжественно пожали друг другу руки.

- Мне немного лучше, – сказал Толстяк Чарли.
- Я же говорила: убьет или поможет.

* * *

У Паука в конторе выдался отличный день. Он почти никогда не работал в конторах. Он вообще почти никогда не работал. Все ему было в новинку, все казалось удивительным и странным, от крохотного лифта, который, дребезжа, доставил его на шестой этаж, к кабинетам агентства Грэма Коутса размером с кроличьи клетки. Он как зачарованный разглядывал выставленные в лобби в стеклянной витрине пыльные награды. Он ходил по офисам, а когда его спрашивали, кто он такой, отвечал: «Я Толстяк Чарли Нанси», – произнося это своим божественным голосом, который превращал почти что в правду все, что бы он ни сказал.

В обнаруженной кухоньке Паук заварил себе несколько чашек чая. Он принес их в комнату Толстяка Чарли и расставил на столе в художественном беспорядке. И принялся забавляться с компьютером. Тот потребовал пароль. «Я Толстяк Чарли Нанси», – сообщил Паук компьютеру, но кое-куда доступа все равно не получил, и тогда он сказал: «Я Грэм Коутс», – и сеть раскрылась перед ним, как цветок.

Он пялился в компьютер, пока не заскучал.

Он разобрался с содержимым лотка для входящих документов. Разобрался с документами, ожидающими решения.

Тут ему пришло в голову, что Толстяк Чарли уже проснулся, и он позвонил домой, чтобы успокоить брата; и только он почувствовал, что делает успехи, как в дверь просунул голову Грэм Коутс и, потерев пальцами свои куньи губы, подозвал его.

– Мне пора, – сказал Паук брату. – Главный босс хочет со мной поговорить. И положил трубку.

– Личные телефонные звонки в рабочее время, Нанси, – констатировал Грэм Коутс.

– Еще черт бы возьми, – согласился Паук.

– Это ты обо мне сказал «главный босс»? – осведомился Грэм Коутс.

Они пересекли холл и вошли в его кабинет.

– Вы у нас наиглавнейший, – сказал Паук. – Экстра-босс.

Грэм Коутс выглядел озадаченным. Он подозревал, что над ним смеются, но не был уверен, и это его беспокоило.

– Садись уже, – сказал он.

Паук уселся.

Грэм Коутс имел обыкновение придерживаться определенного уровня текучести кадров в агентстве Грэма Коутса. Одни приходили и уходили. Другие задерживались ровно столько, чтобы их можно было уволить без особых проблем. Толстяк Чарли проработал дольше остальных: один год и одиннадцать месяцев. Еще месяц, и его без компенсационных выплат и судов не уволишь.

У Грэма Коутса была заготовлена специальная речь, которую он произносил, когда кого-нибудь увольнял. Он ею очень гордился.

– *Ненастья в жизни есть любой*¹⁸, – начал он. – Но не бывает худа без добра.

– Что одному здорово, – предположил Паук, – другому смерть.

– Ох. Да. Именно так. Так вот. И проходя долиной плача, следует нам остановиться, чтобы отразить...

---

¹⁸ «Ненастья в жизни есть любой» – Грэм Коутс цитирует стихотворение «Дожливый день» Генри У. Лонгфелло (1807–1882) в переводе Антона Черного.

- *Первая любовь*, – сообщил Паук, – *ранит всех сильнее*¹⁹.
- Что? Ах, – Грэм Коутс рылся в своей памяти, чтобы вспомнить, что дальше. – *Счастье*, – объявил он, – *это бабочка*²⁰.
- Или *синяя птица*²¹, – согласился Паук.
- Почти. Могу я закончить?
- Конечно. К вашим услугам, – с готовностью откликнулся Паук.
- И счастье каждого в агентстве Грэма Коутса так же важно для меня, как мое собственное.
- Даже не передать, – сказал Паук, – как я теперь счастлив.
- Да, – сказал Грэм Коутс.
- Ну, мне пора возвращаться к работе, – сказал Паук. – Но речь была о-го-го. Если еще чем-нибудь решите поделиться, сразу зовите меня. Вы знаете, где меня найти.
- Счастье, – произнес Грэм Коутс, и голос его прозвучал немного сдавленно. – И что интересно, Нанси Чарльз, так это – счастлив ли ты у нас? Не кажется ли тебе, что где-нибудь еще ты был бы счастливее?
- Да мне это неинтересно, – сказал Паук. – Хотите узнать, что мне интересно?
- Грэм Коутс ничего не ответил. Прежде такого никогда не случалось. Обычно в этот момент у них вытягивались лица, и они впадали в ступор, а иногда плакали. Грэм Коутс ничего не имел против.
- Мне вот что интересно, – сказал Паук, – для чего нужны счета на Каймановых островах. Видите ли, это выглядит так, будто деньги, которые должны поступать на счета клиентов, вместо этого порой оказываются на Каймановых островах. Забавная финансовая схема: деньги просто оседают на этих счетах. Никогда ничего подобного не встречал. Я полагал, у вас-то найдется объяснение.
- Лицо Грэма Коутса стало не то чтобы совсем белым, а такого цвета, который в каталоге красок обозначен под названием «пергамент» или «магнолия».
- Как ты получил доступ к этим счетам? – спросил он.
- Эти компьютеры, – ответил Паук. – Вас они тоже выводят из себя? Вы что умеете с ними делать?
- Грэм Коутс надолго задумался. Ему всегда представлялось, что его финансовые дела так запутаны, что даже если отдел по борьбе с мошенничеством и придет к выводу, что здесь имеет место экономическое преступление, экспертам будет чрезвычайно трудно точно определить, в чем именно оно заключается.
- Ничего незаконного в наличии офшорных счетов нет, – сказал он как можно небрежнее.
- Незаконного? – переспросил Паук. – Надеюсь, что нет. В смысле, если обнаружу что-то незаконное, я ведь обязан сообщить об этом куда следует.
- Грэм Коутс взял со стола ручку и тут же положил обратно.
- А, – сказал он. – Как ни приятно с тобой болтать, беседовать, время проводить и всячески компанию водить, Чарльз, подозреваю, что каждому из нас пора вернуться к работе. Работать и родить, в конце концов, нельзя погодить. Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.
- Жизнь нелегка, – продолжил Паук, – но я балдею от радио²².

¹⁹ «Первая любовь ранит всех сильнее» – Паук цитирует название популярной песни британского рок-певца и композитора Кэта Стивенса (Cat Stevens) «The First Cut Is The Deepest», известной в исполнении Рода Стюарта и Шерил Кроу.

²⁰ «Счастье – это бабочка, которая ускользает, когда ее преследуют; но стоит замереть спокойно – и она сама опустится к тебе на грудь» – слова Натаниэля Готорна (1804–1864), американского писателя.

²¹ Паук цитирует Мориса Метерлинка (1862–1949), бельгийского поэта, драматурга и философа, автора всемирно известной пьесы «Синяя птица».

²² Песня Reunion «Life Is a Rock (But the Radio Rolled Me)» (1974).

– Как скажешь.

* * *

Толстяк Чарли начал ощущать себя человеком. Боль ушла; медленно накатывавшие волны тошноты отступили. И хотя он еще не был убежден в том, что мир – это чудесное радостное местечко, он уже покинул девятый круг похмельного ада, и это было хорошо.

Во владение ванной вступила Дейзи. Он слышал, как из-под крана побежала вода и как там обстоятельно плещутся.

Он постучал в дверь.

– Я здесь, – сказала Дейзи. – Ванну принимаю.

– Знаю, – сказал Толстяк Чарли. – В смысле, я не знал, но как раз подумал, что ты там.

– Да? – спросила Дейзи.

– Я просто подумал, – сказал он через дверь, – подумал, зачем это ты вернулась. Прошлой ночью.

– Ну, – ответила она. – ты порядочно перебрал. Мне показалось, твоему брату нужна помощь. Этим утром мне на работу не идти. Вуаля.

– Вуаля, – повторил Толстяк Чарли. С одной стороны, она его пожалела. А с другой – ей понравился Паук. Да. Чуть больше суток прошло с тех пор, как у него появился брат, и уже понятно, что сюрпризов в новых семейных отношениях не будет. Паук крут, а он – ни то ни се.

– У тебя прекрасный голос, – сказала она.

– Что?

– Ты пел в такси по дороге домой. «Unforgettable». Было здорово.

Ему удалось вытеснить инцидент с караоке из памяти в какой-то темный закоулок, куда складывают то, что причиняет беспокойство. Теперь он все вспомнил, а ему этого не хотелось.

– Ты был великолепен, – сказала она. – Споешь мне потом?

Толстяк Чарли отчаянно размышлял, но от этих размышлений его спас звонок в дверь.

– Кто-то пришел, – сказал он.

Он спустился, открыл дверь, и стало еще хуже. Мать Розы пригвоздила его взглядом, но не сказала ни слова. В руке она держала большой белый конверт.

– Здравствуйте, – сказал Толстяк Чарли, – миссис Ной. Рад вас видеть. Хм.

Она фыркнула, воинственно выставив конверт перед собой.

– А, – сказала она. – Ты здесь. Что ж. Может, пригласишь войти?

Точно, подумал Толстяк Чарли, таким, как она, вечно нужно приглашение. Достаточно сказать «нет», и она уйдет.

– Да, конечно, миссис Ной. Прошу.

Вот, значит, как вампиры это делают.

– Не хотите ли чашечку чая?

– Не думай, что тебе это поможет, – сказала она. – Потому что не поможет.

– Хм. Конечно.

Вверх по узкой лестнице и на кухню. Мать Розы осмотрелась, и на лице у нее было написано, что кухня не соответствует ее гигиеническим стандартам как содержащая (а она содержала) съедобные продукты питания.

– Кофе? Воды?

Только не говори «восковых фруктов».

– Восковых фруктов?

Черт.

– От Розы я узнала, что твой отец недавно перешел в мир иной, – сказала она.

– Да, он умер.

– Когда не стало отца Розы, в «Кулинарах и кулинарии» поместили четырехстраничный некролог. И там было сказано, что карибский фьюжн появился в этой стране только благодаря ему.

– Ах, – сказал он.

– И он не оставил меня в нужде. Он был застрахован и являлся совладельцем двух успешных ресторанов. Я очень обеспеченная женщина. И когда умру, все перейдет к Розе.

– Когда мы поженимся, – сказал Толстяк Чарли, – я о ней позабочусь, вы не думайте.

– Я не хочу сказать, что ты женишься на Розе только из-за моих денег, – сказала мать Розы таким тоном, что было очевидно: именно это она и хочет сказать.

У Толстяка Чарли вновь заломило в висках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.